

ФИНАНСЫ И РАЗВИТИЕ

ДЕКАБРЬ 2017 года

Интервью с Дэвидом
Отором, стр. 32

«Доресурсное»
проклятие, стр. 36

Дотянуться
до бедных людей, стр. 48

Ближний Восток в движении

Содержание

Сейчас
как никогда
необходимо
сосредоточиться
на нераскрытом
потенциале
региона.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ДВИЖЕНИИ

4 Пришло время действовать

У стран Ближнего Востока и Северной Африки есть возможность провести реформы, необходимые для обеспечения процветания на десятилетия вперед

Джихад Азур

10 Точка зрения. Ростки надежды

Восстания в арабских странах, возможно, запустили долгосрочные преобразования в регионе

Марван Муашер

14 Достичь цели

Нефтедобывающие страны должны сосредоточиться на диверсификации своей экономики

Рабах Арецки

18 Цена конфликта

Конфликты на Ближнем Востоке имеют тяжелые последствия для экономики стран этого региона

Фил де Имус, Газль Пьер и Бьорн Ротер

23 Многообещающее будущее технологий

Правительства стран Ближнего Востока надеются, что цифровые предприниматели подстегнут экономический рост и создадут рабочие места для молодежи

Кэмпбелл Макдиармид

26 Предубеждение и барьеры

Повышение доли участия женщин в рабочей силе в арабском мире могло бы стимулировать экономический рост, но есть глубоко укоренившиеся препятствия

Назила Фатхи

30 На передовой Преодоление сопротивления

Ибрагим Санф рассказывает, почему достижение консенсуса является ключом к успешной реформе энергетических субсидий

48

А ТАКЖЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

36 «Доресурсное» проклятие

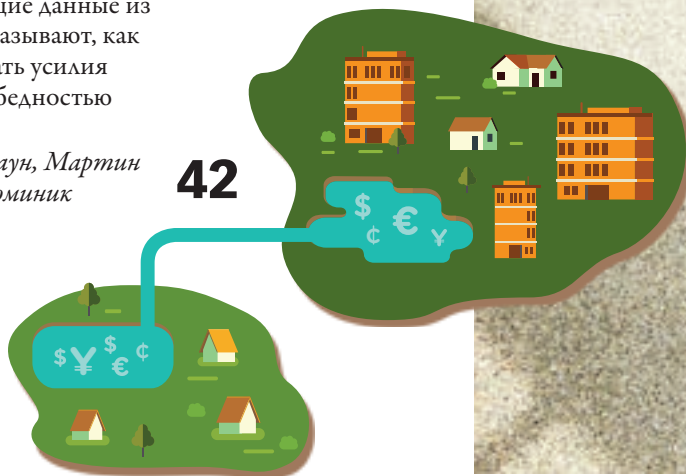
Открытие нефти может сначала вызвать ликование, но потом создать угрозу для экономики
Джеймс Каст и Дэвид Михаи

42 Мировые финансы восстанавливаются

Сокращение трансграничных потоков капитала сигнализирует об укреплении глобальной финансовой системы
Сьюзен Лунд и Филипп Херли

48 Дотянуться до бедных людей

Отрезвляющие данные из Африки показывают, как трудно сделать усилия по борьбе с бедностью адресными
Кейтлин Браун, Мартин Равайон и Доминик ван де Валле

РУБРИКИ

32 Люди в экономике

Поздно раскрывшийся талант

Крис Веллиш представляет **Дэвида Отора**, экономиста МТИ, который проводит новаторские исследования по влиянию импорта на рынок труда в США

46 Представьте себе

Подъем температуры

Бедные страны сильнее других страдают от изменения климата, при этом им сложнее всех с ним справиться
Мария Йованович

53 Книжное обозрение

Экономическая наука для общего блага, Жан Тироль

Как работают мировые валюты: вчера, сегодня и завтра
 Барри Айкенгрин, Арно Мель и Ливия Читу

Откровенный разговор о торговле, Дэни Родрик

56 Денежные знаки

Критический прием

Новая банкнота с Джейн Остин не встретила всеобщего радушного приема
Джон Бишоп

Перемены песчаного ландшафта

ЭТОТ ВЫПУСК Ф&Р посвящен главным образом Ближнему Востоку и Северной Африке, и в нем дается оценка быстрого преобразования региона после восстаний 2011 года. Этот период породил у миллионов людей надежду на лучшее будущее и вызвал отчаяние у миллионов других.

«Железный клапан», который сохранял искусственную стабильность арабских обществ, был сорван, пишет Марван Муашер из Фонда Карнеги за международный мир. Единственный путь, который приведет к обеспечению стабильности и процветания, лежит через создание институтов, распределение власти и инклюзивный рост, что требует нового общественного договора между правительствами и их народом.

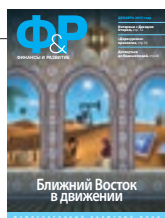
Хотя восстания были вызваны политическими требованиями, нерешенные социально-экономические проблемы были основополагающей причиной, отмечает Джихад Азур из МВФ. Семь лет спустя эти проблемы остаются в основном нерешенными. В условиях, когда 60 процентов населения в регионе младше 30 лет, для будущей стабильности насущно необходимы увеличение рабочих мест и расширение возможностей. Но для этого требуются решительные действия.

С 2011 года конфликты в регионе унесли, по оценкам, полмиллиона жизней и привели к перемещению масс других людей, оставляя за собой руины, отмечают экономисты МВФ Фил де Имус, Гаэль Пьер и Бьорн Ротер. Например, в Сирии ВВП сегодня составляет менее половины объема 2010 года.

Но все же регион обладает огромным потенциалом. Технология, в том числе «зеленая» энергия, дает надежду на создание качественных рабочих мест. По словам Рабаха Ареки из Всемирного банка, солнечная энергия и другие виды возобновляемых источников энергии могут помочь компенсировать риск, связанный с некупаемыми нефтегазовыми активами. По всему региону правительства открывают технологические фонды, при этом некоторые стартапы превращаются в крупных работодателей. Еще одним источником роста являются женщины, возможности которых содействовать росту ВВП только начинают становиться понятными.

Сейчас настал самый критический момент для того, чтобы сосредоточиться на неиспользуемом потенциале региона: на его молодежи, женщинах и духе предпринимательства. Цена бездействия просто слишком высока. **ФР**

КАМИЛЛА ЛУНД АНДЕРСЕН, главный редактор

НА ОБЛОЖКЕ

Нефть и газ играют решающую роль в экономике арабского мира. Но наступает новая эра. На обложке декабрьского номера Ф&Р 2017 года художник Майкл Варакса изобразил прошлое, настоящее, а также постнефтяное будущее региона, где используется потенциал молодежи, технологий и возобновляемых источников энергии.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Камилла Лунд Андерсен

РУКОВОДЯЩИЙ РЕДАКТОР

Морин Берк

СТАРШИЕ РЕДАКТОРЫ

Крис Веллиш
Натали Рамирес-Джумена
Джеймс Роу

МЛАДШИЕ РЕДАКТОРЫ

Боб Ахмед
Эстер Балаж
Мария Иванович
Брюс Эдвардс

РЕДАКТОРЫ ОНЛАЙНОВОГО ВЫПУСКА

Мари Бурсико
Лиджун Ли

МЕНЕДЖЕР ПО ПРОИЗВОДСТВУ

Николь Брайнен-Кимани

КОРРЕКТОР

Люси Моралес

СОВЕТНИКИ РЕДАКТОРА

Бернардин Аkitоби
Селин Аллард
Бас Баккер
Стивен Барнетт
Николета Батини
Хельге Бергер
Рупа Дуттагупта
Пол Кашин
Лора Кодрес
Луис Куббеду
Альфредо Куэвас
Жан Мария Милези-Феретти
Томмасо Мансини Гриффолли
Инджи Откер-Роуб
Катриона Пурфилд
Ума Рамакришнан
Абдельхак Сенхаджи
Алисон Стюарт
Томас Хелблинг
Эдриан Чисти

ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

подготовлено Службой переводов МВФ

РЕДАКТОР

Александра Акчурина

© 2017 Международный Валютный Фонд. Все права защищены. Для получения разрешения на перепечатку статей Ф&Р заполните форму онлайн (www.imf.org/external/terms.htm) или обратитесь по электронной почте в copyright@imf.org. Разрешение на перепечатку статей в коммерческих целях можно также получить за номинальную плату в Copyright Clearance Center (www.copyright.com).

Мнения, выраженные в статьях и других материалах, принадлежат авторам и не обязательно отражают политику МВФ.

Услуги подписчикам, изменение адреса и заявки на рекламу:

IMF Publication Services
Finance & Development
P.O. Box 92780
Washington, DC, 20090, USA Факс: (202) 623-7201
Телефон: (202) 623-7430 Эл. почта: publications@imf.org

Postmaster: send changes of address to Finance & Development, International Monetary Fund, PO Box 92780, Washington, DC, 20090, USA. Periodicals postage is paid at Washington, DC, and at additional mailing offices.

The English edition is printed at Dartmouth Printing Company, Hanover, NH.

Finance & Development is published quarterly by the International Monetary Fund, 700 19th Street NW, Washington DC 20431, in English, Arabic, Chinese, French, Russian, and Spanish.
Russian edition ISSN 1020-8151

Fiscal Policies and Gender Equality

Lisa Kolovich, Editor

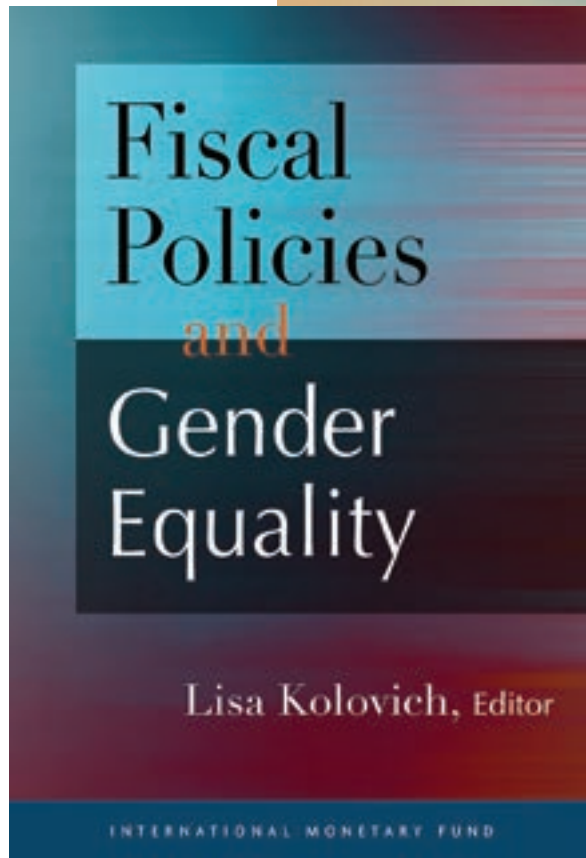
Historically, women around the world have had less opportunity than men in education, employment, and health care, and less political representation.

Although the gender gap is shrinking, progress remains uneven across many regions of the world. This book reviews a range of approaches to help whittle away at the barriers that prevent girls and women from achieving their full economic potential.

There are still many lessons to be learned in implementing the appropriate government policies and fiscal measures to continue promotion of women's development issues and gender equality.

For more information visit bookstore.imf.org/fd127
Fall 2017. Paperback ISBN 978-1-51359-036-3. \$25

To view additional publications on Gender and Economics, visit elibrary.imf.org/page/free

INTERNATIONAL MONETARY FUND

ПРИШЛО ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

У стран Ближнего Востока и Северной Африки есть возможность провести реформы, необходимые для обеспечения процветания на десятилетия вперед

Джихад Азур

С восстаний 2011 года начался период беспрецедентных изменений на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Внимание всего мира было приковано к требованиям политических преобразований, но эти призывы были в значительной степени мотивированы нерешенными социально-экономическими проблемами. Демонстранты на улицах Каира и Туниса, требовавшие «хлеба, достоинства и социальной справедливости», выражали чаяния широких слоев населения иметь основные экономические права наряду с повышением благосостояния, равенством и справедливостью.

Почти семь лет спустя достигнут заметный прогресс в сфере реформ государственных финансов. Но этим реформам еще предстоит длинный путь, прежде чем произойдет снижение неравенства в распределении богатства в большинстве стран региона или сокращен разрыв в уровне развития между ними. Затяжные региональные конфликты, низкие цены на нефть, слабый рост производительности и неэффективное управление причинили значительный ущерб. Рост не был достаточно динамичным, чтобы существенно снизить уровень безработицы; ошеломляет доля не имеющих работы молодых людей, которая составляет 25 процентов.

В результате перед странами Ближнего Востока и Северной Африки в настоящее время стоит нелегкий выбор между краткосрочным сокращением расходов и решительным проведением долгосрочных реформ, необходимых для обеспечения их будущего экономического процветания. Отказ от важных экономических корректировок, необходимых для укрепления инклюзивного роста и модернизации государственного и частного секторов, отбросил бы регион назад, возможно, на десятилетия. Здоровая мировая экономика предоставляет благоприятную возможность ускорить темпы проведения реформ.

Несмотря на сохранение макроэкономической стабильности странами региона, темпы роста были слишком медленными и отставали от роста населения, в результате чего растет безработица. Темпы экономического роста в регионе с 2011 года составляли в среднем лишь 3,6 процента в год, что на треть ниже, чем в предыдущем десятилетии (см. рис. 1). Общий уровень безработицы, составляющий 10 процентов, не представляется тревожным, но он колеблется от менее 1 процента в Катаре до более 18 процентов в Иордании, и безработица непропорционально сильно затрагивает женщин и молодежь.

Поддержание статус-кво только ухудшит ситуацию. По оценкам МВФ, при сохранении темпов роста в регионе на уровне, сложившемся после 2011 года, средний уровень безработицы может превысить 14 процентов к 2030 году.

Кроме того, конфликты в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и Йемене нанесли этим странам тяжелый урон: по оценкам, в этих конфликтах погибло полмиллиона человек с 2011 года. Только в Сирии 12 миллионов человек оказались перемещенными лицами. Последствия для экономики оказались разрушительными: дома, больницы, дороги и школы были повреждены или разрушены, их расчетная стоимость в четыре раза превысила довоенный ВВП этих стран. Исход беженцев из районов конфликтов оказывает сильное дополнительное давление на бюджеты, инфраструктуру и рынки труда и жилья в принимающих их странах, таких как Ливан и Иордания. От конфликтов также пострадали торговля, туризм и инвестиции.

Между тем, страны — экспортеры нефти сталкиваются с резким снижением цен на энергопродукты, что привело к значительным дефицитам бюджетов и снижению темпов роста. В среднем дефициты увеличились до более 10 процентов ВВП в 2016 году, а государственный долг удвоился, превысив 30 процентов ВВП с 2014 года. И все же за этими цифрами стоят значительные усилия по сокра-

щению дефицита. Первичное сальдо без учета нефти, которое исключает воздействие цен на нефть и может рассматриваться как результат бюджетных мер правительства, улучшилось более чем на 12 процентных пунктов ВВП с 2014 года.

Бюджетные дефициты также остаются повышенными в странах — импортерах нефти, несмотря на пользу, которую эти страны извлекают из снижения цен на нефть (см. рис. 2). Дефициты в среднем находятся выше 6 процентов ВВП, а уровень задолженности превысил 90 процентов ВВП в Египте, Иордании и Ливане. Хотя этим странам удалось в достаточной мере сократить дефицит, чтобы сохранить экономическую стабильность, им необходимо выделить дополнительные ресурсы для решения социальных проблем и вопросов развития. В этом году прогнозируется повышение темпов роста до более 4 процентов в результате растущего частного потребления и экспорта.

Планы развития

Директивные органы в регионе признают необходимость в создании новых рабочих мест и более динамичном росте, и они включили эти цели в национальные планы развития своих стран, наряду с расширением инклюзивности. При успешном выполнении этих планов они могут значительно приблизиться к достижению этих целей. Особенно важное значение будет иметь признание необходимости предоставить равные права женщинам и более успешно интегрировать их в рабочую силу. Недавние меры, в том числе решение Саудовской Аравии предоставить право женщинам водить автомобили, стали шагом в правильном направлении, но необходимо сделать больше. Проведение политики в области образования и на рынке труда также будет иметь ключевое значение, поскольку примерно 60 процентов населения моложе 30 лет. Получив надлежащие возможности и образование, молодые люди региона могли бы стимулировать беспрецедентный экономический рост и создавать демографические дивиденды, подобно движению азиатских экономических систем тигра несколько десятилетий назад.

Правительства прилагают усилия к стимулированию торговли и инвестиций. Многие страны — от Иордании до Саудовской Аравии и Судана — снизили торговые барьеры. Марокко и Тунис присоединились к Соглашению «Группы двадцати» с Африкой, направленному на стимулирование частных инвестиций, что должно способствовать улучшению инфраструктуры. Иордания, Марокко и Тунис приняли меры по диверсификации своих производственных баз, поддерживая экспорт и рабочие места. Например, Марокко привлек автомобилестроителей, включая PSA Peugeot Citroen и Renault Group, обеспечив хорошую инфраструктуру, электроснабжение и квалифицированную рабочую силу. В результате этого

Рисунок 1

Замедление темпов роста

Годовые темпы роста с 2011 года на треть ниже среднего показателя за предыдущее десятилетие.

(Процентное изменение реального ВВП, взвешенного по паритету покупательной способности ВВП)

Источники: официальные органы стран и расчеты персонала МВФ.

Примечание. Данные по Ближнему Востоку, Северной Африке, Афганистану и Пакистану.

Рисунок 2

Растущий долг

Государственный долг растет как в странах — экспортерах нефти, так и в странах — импортерах нефти.

Источник: оценки персонала МВФ.

Примечание. Данные по Ближнему Востоку, Северной Африке, Афганистану и Пакистану (БВСАП).

автомобильный сектор страны намерен создать 90 тысяч рабочих мест к 2020 году. Насколько торговля может повысить темпы роста? По оценкам МВФ, если регион повторит свой лучший показатель повышения степени открытости за год, среднегодовые темпы экономического роста в ближайшие пять лет повысятся на 1 процентный пункт по сравнению с нашим базисным прогнозом на уровне 3,3 процента.

Создание рабочих мест

Правительства также ставят создание рабочих мест во главу угла своих программ экономической политики. Эти планы направлены на развитие частного сектора путем создания более благоприятных возможностей для трудоустройства молодежи и женщин, а также расширения доступа к финансам. Они также стремятся предоставлять более качественные государственные услуги, повышать степень прозрачности и подотчетности и обеспечивать повышение объема и эффективности социальных и инвестиционных расходов. Многие из этих тем уже находились в центре полемики в 2014 году, когда лидеры региона собрались на Амманской конференции, на которой были определены стратегии стимулирования занятости, роста и справедливости в арабском мире. Они остаются в центре дебатов и сегодня, поскольку люди требуют ускорения и более глубоких перемен.

К счастью, более динамичный глобальный рост и инновации в области технологии способствуют созданию благоприятных условий для реформ. Для получения резуль-

Правительства прилагают усилия к стимулированию торговли и инвестиций.

татов потребуется время, поэтому директивным органам следует действовать как можно скорее и использовать эту возможность для укрепления экономической стабильности и содействия росту на благо всего общества.

Правительствам необходимо разработать и реализовать программы для всеобъемлющего роста: среднесрочные планы действий, которые предлагают практические решения неотложных приоритетных задач и способствуют восстановлению доверия инвесторов и граждан. Решающее значение будут иметь пять рычагов: продуманная налогово-бюджетная политика, широкий доступ к финансовым услугам, реформа рынка труда и системы образования, совершенствование управления и деловой среды. Такой подход также позволит правительствам пересмотреть свои модели роста и с течением времени реализовать более справедливые общественные договоры, сохраняя при этом макроэкономическую стабильность. Первым шагом является видение, которое вдохновляет граждан; за ним должны следовать конкретные цели и стратегия их достижения.

Налогово-бюджетные реформы остаются основным рычагом политики содействия инклюзивному росту и обеспечения макроэкономической стабильности. Страны, располагающие значительными бюджетными резервными буферами с низким уровнем долга, могут постепенно сократить дефицит, чтобы избежать излишнего сдерживания роста; странам, имеющим значительный дефицит и высокую задолженность, таким как Иордания, Ливан и Мавритания, необходимо активизировать усилия по уменьшению дефицита.

Фискальные реформы

Одним из способов снижения дефицита является привлечение дополнительных доходов за счет расширения налоговой базы. В среднем по региону отношение налогов к ВВП на уровне менее 10 процентов является низким по сравнению со средним показателем на уровне 18 процентов в странах с формирующимся рынком. Сокращение льгот, борьба с уклонением от уплаты налогов и более прогрессивный подоходный налог с физических лиц также помогут, равно как и сокращение чрезмерно разросшегося фонда оплаты труда в государственном секторе. Они составляют почти 10 процентов ВВП в шести странах Совета по сотрудничеству стран Персидского залива по сравнению с 6 процентами в среднем в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах в целом.

Сокращение разницы между заработной платой в государственном и частном секторах будет способствовать трудоустройству 27 миллионов молодых людей, которые, по прогнозам, войдут в состав рабочей силы в ближайшие пять лет. В настоящее время многие квалифицированные молодые люди предпочитают оставаться без работы в течение длительного времени в ожидании высокооплачиваемых рабочих мест в государственном секторе.

Некоторые страны уже показали, что сбережения от таких мер могут быть использованы для увеличения инвестиций и расходов на столь необходимые социальные услуги. Одиннадцать стран заменили топливные субсидии, которые предоставлялись всему населению, денежными переводами, адресованными неимущим. К таким странам относится Египет, который в десять раз увеличил целевые денежные трансферты, предназначенные 1,7 млн домохозяйств, в течение двух лет. Но прогресс неравномерен, и для значительного улучшения перспектив роста и повышения уровня жизни в среднесрочной перспективе необходимы дополнительные социальные расходы. Помогло бы ускорение продажи государственных компаний, так же как и отбор проектов и управление ими в целях обеспечения устойчивой экономической отдачи для повышения качества государственных инвестиций.

Расширение доступа к финансам будет иметь большое значение для стимулирования деятельности частного сектора. Примерно у двух третей населения нет банковского счета, а уровень банковских кредитов малым и средним фирмам, составляющий 2 процента ВВП, относится к одним из самых низких в мире. Улучшение бухгалтерского учета компаниями поможет расширить доступ к финансированию, поскольку банки будут в состоянии лучше оценивать кредитный риск. Необходимо также продолжать развивать рынки капитала, чтобы облегчить получение капитала компаниями и долговое финансирование.

Применение технологий

Шестьдесят процентов жителей региона пользуются мобильными телефонами, так что финансовые технологии предоставляют возможность обеспечить доступ к финансовым услугам большему числу потребителей. Тем не менее, большинство стран региона не провели реформы, которые позволили бы небанковским организациям занять эту нишу. Органы регулирования должны разработать основы, способствующие инновациям, защищая при этом интересы потребителей и конфиденциальность данных и предотвращая отмыывание денег и финансирование терроризма.

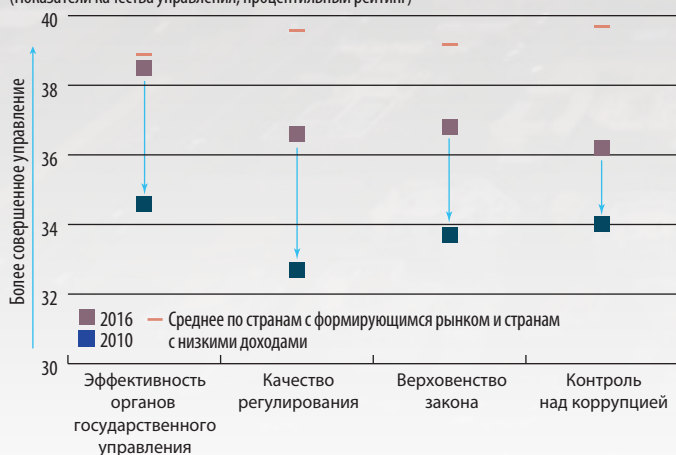
В более широком смысле технологии способны повысить производительность и темпы роста; зеленые технологии, включая солнечную энергию, представляются весьма многообещающими. И хотя технологии способны повысить эффективность работников и создать рабочие места

Рисунок 3

Бюрократические проблемы

Снизилась рейтинги способности правительств эффективно работать и держать коррупцию под контролем.

(Показатели качества управления, процентильный рейтинг)

Источники: Всемирный банк; расчеты персонала МВФ.

Примечание. Данные по Ближнему Востоку, Северной Африке, Афганистану и Пакистану.

Прогресс будет ограничен, если женщины, составляющие половину населения, не будут иметь возможности добиться успехов.

в новых секторах, они могут также привести к тому, что некоторые профессии перестанут быть актуальными. Возможно, что разрыв в доходах и занятости будет продолжать расти без эффективной реинтеграции этих рабочих в экономику.

Вот почему совершенствование образования и подготовки кадров имеет решающее значение. За исключением нескольких стран, таких как Бахрейн, Египет и Саудовская Аравия, численность взрослых трудоспособного возраста с образованием выше среднего намного меньше, чем средний уровень в мире, составляющий 17 процентов. В сфере образования необходимо сосредоточиться на навыках, пользующихся спросом у работодателей в таких отраслях, как электроника, автомобили, авионавтика и финансовые технологии.

Образование также станет ключом к содействию гендерному равенству. Доля женщин, участвующих в рабочей силе, составляет всего лишь одну треть показателя участия мужчин. Меры политики, которые поощряют труд женщин, например, гибкий рабочий день и услуги по уходу за детьми, помогают привлечь больше женщин на официальный рынок труда и повысить производительность и рост. Но это только начало. Трудно представить себе светлое экономическое будущее региона без глубоких изменений в жестких концепциях социальных и гендерных ролей. Равный доступ к финансам, профессиональной подготовке и технологиям должен стать основой для расширения прав и возможностей женщин и обеспечения им возможности конкуренции наравне с мужчинами.

Укрепление доверия

Наряду с дефицитом рабочих мест, коррупция и неэффективность фигурировали среди причин недовольства населения, которое вылилось в восстание. Совершенствование управления не только поможет решить социальные проблемы, но и укрепит доверие предпринимателей и умножит инвестиции. Большинство стран региона по-прежнему занимают места в нижней половине таблицей глобальных индексов, измеряющих способность правительств эффективно работать и держать коррупцию под контролем, и рейтинги их в последние годы ухудшились (см. рис. 3). Правительства должны предоставлять ресурсы и юридические полномочия для совершенствования про-

зрачности и финансового управления, а также борьбы с коррупцией.

Разрушения в результате войны представляют собой самое серьезное испытание для всех. Беженцы нуждаются в продовольствии, жилье, образовании и помощи в поисках работы; и принимающие страны не могут позволить себе нести это бремя в одиночку. После окончания конфликтов задача будет заключаться в мобилизации ресурсов, необходимых для восстановления инфраструктуры и институтов, и возвращения перемещенных лиц в состав рабочей силы. В постконфликтный период страны, как правило, сталкиваются с неустойчивыми моделями финансирования. Для обеспечения надлежащей поддержки потребуется тесная координация на международном уровне. Официальное финансирование должно предоставляться в форме грантов или на весьма льготных условиях и дополняться значительным объемом потоков финансирования из частного сектора, включая пожертвования и денежные переводы.

Нет сомнений в том, что регион находится на распутье своей современной истории, а это может ощутимо сказаться на глобальном процветании. Никогда раньше не было так важно, чтобы директивные органы сосредоточились на расширении возможностей для значительного пула невостребованных талантов. Прогресс будет ограничен, если женщины, составляющие половину населения, не будут иметь возможности добиться успеха. Переход, соответственно, не будет устойчивым без ускорения темпов реформ, при этом главной их целью должна быть экономическая интеграция. Восстановление мировой экономики предоставляет уникальную возможность для этого, и когда в регион вернется мир, влияние проводимых сегодня реформ усилится во много раз. По этой причине необходимо принимать меры сейчас для повышения темпов устойчивого роста и уровня жизни и удовлетворения чаяний народов региона. Бездействие будет иметь катастрофические последствия и означать продолжение экономического застоя, рост безработицы, социальную напряженность и затяжной конфликт. Настало время перейти от целей к действиям. **ФР**

ДЖИХАД АЗУР — директор Департамента стран Ближнего Востока и Центральной Азии МВФ.

Ростки надежды

Восстания в арабских странах, возможно, запустили долгосрочные преобразования в регионе

Марван Муашер

ФОТО: ПУБЛИКУЕТСЯ С РАЗРЕШЕНИЯ ФОНДА КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ, которые начались в Тунисе в конце 2010 года и стремительно распространились на большую часть арабского мира, очевидно, не привели к быстрому созданию демократических государств, как надеялись многие. Почти все страны вернулись к плохому управлению, которое преобладало почти семь лет назад и стало причиной восстаний, охвативших весь регион.

В Ливии, Сирии и Йемене уличные протесты не превратились в действенные инструменты государственного строительства, и здесь все еще продолжают гражданские войны и беспорядки. В Египте в период временной и зачастую обманчивой стабильности, когда не удалось решить сложные социально-экономические проблемы простого населения страны, на передний план вышли контрреволюционные силы. Страны Персидского залива сопротивлялись волне перемен с самого начала и пытались погасить ее с помощью финансовых средств, несмотря на то что сейчас их ресурсы сокращаются, так и не наделив реальным правом голоса граждан, стремившихся участвовать в процессах принятия решений в своих странах.

В Иордании и Марокко правительства умилили своих граждан с помощью проведения несистемных реформ,

не направленных на изменение структуры власти, в сочетании с запугиванием общественности тем, что протесты могут привести к повторению странами судеб соседних стран — Египта и Ливии в случае марокканцев, и Египта с Сирией в случае иорданцев. Они вернулись к привычному течению жизни, так и не решив толком неотложных проблем, стоящих перед их странами.

И только в Тунисе протесты привели к новому этапу государственного строительства посредством всеобщего, инициированного самими гражданами процесса заключения нового общественного договора.

Давно назревшее преобразование

Но даже если так называемая арабская весна не смогла быстро изменить сложившуюся ситуацию, она, возможно, запустила давно назревший процесс преобразований, как это произошло в Тунисе. Несомненно, на его проведение потребуются десятилетия, но если будет осуществляться должное управление этим процессом, то он сможет привести к созданию в регионе более открытого общества, признающего заслуги отдельных людей.

Это связано с тем, что спрос со стороны общества на более эффективное управление не ослаб. Несмотря на то что прежние режимы продолжают держать в своих руках бразды правления, общественные договоры, которыми руководствовались большая часть арабского мира на протяжении многих поколений, разрушаются. Эти договоры, чаще навязанные властями, а не появившиеся в результате согласованного договора между общественными группами, основывались на двух основных принципах так называемой системы рантье. Первым принципом предусматривалось, что государство в основном отвечает за предоставление достаточных услуг в области здравоохранения и образования, обеспечение занятости и выдачу субсидий на основные товары, что было возможным благодаря нефтяным доходам. В свою очередь, граждане соглашались со вторым принципом — никакого реального права голоса в управлении их делами.

Эти общественные договоры работали в той или иной форме, пока первая часть такой сделки должным образом выполнялась. Но как только государственная машина стала раздуваться и больше не могла в достаточном объеме предоставлять услуги и льготы, при этом настаивая на невмешательстве граждан в управление, договоры рухнули. Правительства некоторых стран пытались решить только экономические проблемы путем проведения необходимых

экономических реформ, одновременно сдерживая политические реформы и препятствуя разработке системы сдержек и противовесов. Неудивительно, что коррупция, которая была неконтролируемой, чрезвычайно возросла. Для многих людей это было уже слишком, и они вышли на улицы.

Цены на нефть, которые, как ожидается, продолжат снижаться в обозримом будущем, ускорят гибель системы рантье, которая на десятилетия продлила существование неэффективных экономических систем. Добывающие нефть страны больше не могут играть роль государств всеобщего благосостояния для своих граждан, тогда как страны — импортеры нефти больше не могут зависеть от ресурсов, получаемых в виде грантов от нефтедобывающих государств, или денежных переводов от своих граждан, работающих в этих странах, для финансирования покровительствующей государственной системы. И производители, и импортеры нефти игнорируют переход к системам, основанным на признании заслуг, и к правительствам, отвечающим за свои поступки.

Такой переход с целью спасения арабского мира из трясины вроде бы сам собой разумеется, но, конечно, проще говорить, чем делать. Существовавшие десятилетиями системы рантье создали множество политических групп с корыстными интересами, не имеющих никакого желания внедрять основанные на заслугах подотчетные системы, которые могли бы лишить их положения и привилегий. Системы рантье также породили неэффективную бюрократию, которая либо не хочет, либо не может переродиться в более производительную экономическую систему. Также сложно наделить властью все слои общества (которые издавна зависели от государства в плане рабочих мест, услуг и субсидий), чтобы они могли сами себя обеспечивать и конкурировать за рабочие места в частном секторе. Для постепенного политического и экономического перехода к стабильным и процветающим обществам необходима устойчивая политическая воля, и именно ее, как представляется, региону не хватает сегодня.

Тунисская модель

Тем не менее, опыт Туниса показал, что изменения не являются невозможными. Однако уникальность Туниса (большой средний класс, независимые профсоюзы, достижения в области прав женщин и умеренная исламская оппозиция), скорее всего, означает, что в ближайшем будущем такой эксперимент вряд ли будет повторен в какой-либо еще арабской стране. Тунис предпринял шаги, которые могли бы служить примером для арабского общества, стремящегося к созданию нового дискурса, направленного на стабильность и безопасность. Тунисцы показали, что первоочередная задача — это заключение нового общественного договора, который определяет и гарантирует права во всех областях жизни общества, как светских,

так и религиозных. Тунис пришел к такому соглашению путем сложных переговоров и компромиссов между различными группами, а не принял неустойчивые решения по указке правительства, большинства или внешней силы, какой были США в случае Ирака.

Новая конституция Туниса поддерживает права всех слоев общества, гарантирует, что ни одна группа не может навязывать свой образ жизни другим группам и твердо придерживается принципа передачи власти мирным путем. Благодаря длившейся десятилетия борьбе женщин за равные права в Тунисе стало возможным закрепить в новой конституции их равный с мужчинами статус перед законом в гораздо большей степени, чем в конституции любой другой арабской страны, и открыть путь к равным гражданским правам, что имеет решающее значение для здорового развития любого общества. Не менее важно то, что Тунис продемонстрировал, что ислам и демократия

Для постепенного политического и экономического перехода к стабильным и процветающим обществам требуется устойчивая политическая воля.

не противоречат друг другу и что светские и религиозные группы могут согласиться с тем, что в политических вопросах руководящей основой является документ, вдохновленный гуманитарными соображениями, а не высшим промыслом.

Тунису еще далеко до достижения стабильности или процветания. У него есть серьезные политические и экономические проблемы, существуют вопросы в области безопасности. Но страна занимается их решением в рамках прочной основы, то есть новой конституции, которая ее направляет в нужную сторону. В этом и есть значение тунисской модели, и именно поэтому международное сообщество должно ее поддерживать финансово и технически. Успех тунисской модели сможет служить ориентиром для региона, если в нем будут предприняты попытки изменения текущего дискурса. Неудача также будет иметь последствия далеко за пределами границ этой страны.

Переход от модели рантье к модели, основанной на заслугах и производительности, должен быть постепенным. Движущие силы роста должны постепенно смещаться в частный сектор, который должен стать главным источником занятости, в то время как правительство будет предоставлять услуги в области образования и здравоохранения и регулировать экономическую деятельность. Всем

гражданам должны быть предоставлены инструменты, которые позволят им быть конкурентоспособными, в том числе обновленная, всеобъемлющая и открытая система образования.

Идею о том, что экономическая реформа может быть успешной без одновременного укрепления политических институтов и создания системы сдержек и противовесов, необходимо отбросить. Проведовавшийся в течение долгих лет подход, основанный исключительно на экономических аспектах, в арабском мире потерпел сокрушительное поражение. Новые общественные договоры должны обеспечить правильный баланс между экономическими и политическими сторонами жизни, чтобы сгладить негативное воздействие столь необходимых, но болезненных экономических реформ. Важное значение имеют наделение граждан реальным голосом и включение их в процесс принятия решений.

Конец нефтяной эпохи

Этот болезненный процесс является практически обязательным, учитывая конец нефтяной эпохи в арабском мире. И здесь роль международных финансовых организаций, таких как Всемирный банк и МВФ, становится непростой. Классические мандаты этих организаций практически запрещают им решать политические вопросы, однако сосредоточение внимания только на постепенных и медленных экономических реформах само по себе принесло немного положительных результатов. Для того чтобы оставаться актуальными в эту эпоху изменений арабского мира, международные финансовые организации должны найти новые способы помочь странам успешно реализовать свои усилия в области развития. Например, МВФ и Всемирный банк в последние годы начали работать с гражданским обществом, сконцентрировались на борьбе с коррупцией и содействовали улучшению систем

национальной идентичности, стоящей выше принадлежности к отдельной группе. Культурное, этническое и религиозное многообразие арабского мира следует рассматривать как его силу, а не слабость, если общество хочет нормально развиваться.

Религиозное или светское общество

Восстания оживили дискуссии в арабском мире относительно того, должны ли новые руководящие принципы жизни государства быть религиозными или светскими. Появление радикальных групп, таких как «Исламское государство» (или ИГИЛ), и других негосударственных структур, привело к тому, что более умеренные исламские группы, такие как «Братья-мусульмане», заявили о своем решительном предпочтении «гражданского» государства, избегая употребления слова «светское», которое большинство жителей региона ассоциируют с атеизмом и полным отделением религии от политики. Хотя и светские, и религиозные силы заявляют о своей поддержке гражданского государства, дьявол кроется в мелочах. За исключением Туниса, дискуссия по-прежнему в основном сосредоточена на подходе в духе «победитель получает все», а не на плюрализме мнений, гарантирующем всем группам право на мирное существование и не позволяет одной группе навязывать свой образ жизни другим.

Если регион хочет иметь хоть какую-то надежду на создание плюралистического общества, ни один другой вопрос не требует столь неотложных и устойчивых усилий, как реформа образования. Такая реформа должна выйти за рамки количественных мер, таких как оснащение классов компьютерами и строительство школ, и исследовать ценности и знания, которым учат, а также методы обучения. Необходимо ввести новые парадигмы, чтобы преподавать и поощрять критическое мышление, позволять задавать вопросы о том, чему учат, и заставлять учеников думать логически и пронизательно. Школы должны прививать ценности разнообразия и идеи того, что истина не является абсолютной, а толерантность к различным взглядам имеет основополагающее значение, и что восприятие различных мнений является ключом к инновациям и обновлению. Само собой разумеется, что эти ценности являются необходимыми условиями обеспечения плюрализма, равных гражданских прав и гражданского государства.

Восстания «сорвали железный клапан» у арабского общества, который держал их в искусственно стабильном состоянии, скрывая реальные проблемы, стоящие перед регионом. Единственный верный путь к естественной стабильности и процветанию — это долгий и болезненный процесс создания институтов, разделения власти и обеспечения более инклюзивного роста. **ФР**

образования и здравоохранения. Им нужно будет удвоить эти усилия при работе над реализацией программ экономических реформ вместе с арабскими странами.

Арабские восстания показали, что в регионе отсутствует современная концепция гражданских прав и свобод. Старая парадигма, которая рассматривала граждан как субъектов, неспособных управлять собственной жизнью и потому не имеющих права голоса, должна измениться.

Концепция равных гражданских прав для всех, независимо от пола, политической ориентации, религии или этнического происхождения, должна быть закреплена в любом новом общественном договоре. Только убедив граждан, что все равны перед законом, общество сможет полностью реализовать их потенциал. Многие арабские страны поощряют мягкие формы национализма, которые подчеркивают исключительность отдельных групп. Вместо этого им следует сосредоточиться на формировании прочной

МАРВАН МУАШЕР — вице-президент программы исследований Фонда Карнеги за международный мир.

ДОСТИЧЬ ЦЕЛИ

Нефтедобывающие страны должны сосредоточиться
на диверсификации своей экономики

Рабах Арески

Многие страны, богатые нефтью и газом, включая страны Ближнего Востока и Северной Африки, такие как Алжир и Саудовская Аравия, объявили или реализовали меры политики, направленные на сокращение зависимости от нефти путем диверсификации экономики. Обвал цен на нефть, который начался в 2014 году (см. рисунок) и, по прогнозам, будет продолжительным, выдвинул диверсификацию на передний план дебатов по поводу мер политики.

Несмотря на то, что многие страны — экспортеры ископаемого топлива понимают необходимость диверсификации, мало кто добился успеха в ее достижении. Исторически таким богатым нефтью государствам было трудно провести диверсификацию со снижением роли нефтедобычи — во многом потому, что применяемый государством подход «сверху-вниз» не обеспечил руководителям и другим экономическим агентам уверенности или стимула к поддержке новых идей, инноваций и принятию рисков. Например, существующая во многих странах по всему миру, в том числе на Ближнем Востоке и в Северной Африке, структура стимулирования государственных нефтяных компаний не поощряла руководителей и работников на систематической основе к полному раскрытию их потенциала и внедрению новых технологий, быстро меняющих их отрасль. Многие государственные компании берутся за новые задачи, выходящие за пределы их основной сферы деятельности и специализации, используют мало инноваций и с трудом удерживают талантливых работников. Что еще хуже, ряд государственных нефтяных компаний в разных странах мира несут тяжелое бремя задолженности, хотя и обладают крупными запасами нефти, добыча которых относительно недорога.

Смещение акцента

Но если бы страны переключили свое внимание с конечной цели, диверсификации, на вопрос о том, как ее достичь, — то есть на процесс трансформации, — то диверсификация показалась бы им более легкой задачей. Эта работа предполагает меры по снижению доминирования нефтегазового сектора. Акцент на трансформации подразумевает такой подход к этому господствующему сектору, который может оказать вторичные эффекты на неуглеродные секторы или даже способствовать их развитию. То есть, поддерживая трансформацию, страны сосредоточатся на обеспечении правильных стимулов для руководителей и других экономических агентов и подружатся с рынками энергетических технологий и инноваций, которые сейчас считаются врагами, оказывающими разрушительное влияние. Страны, берущие на вооружение этот подход, менее склонны ошибаться или противиться изменениям.

Технологические изменения на энергетических рынках могут способствовать устойчивости экономики стран, зависимых от нефтяных доходов. Более гибким экономическим системам с надлежащими структурами корпоративного управления, которые расширяют полномочия руководителей и работников, легче воспользоваться преимуществами новых технологий для сокращения рисков, связанных с потенциальными нарушениями в работе энергетических рынков, и даже для создания новых возможностей. Например, компании, чьи акции обращаются на бирже, обычно находятся в лучшей ситуации, чем компании в государственной собственности (или даже компании в частной собственности без обращения акций на бирже). Поскольку эти компании подотчетны перед акционерами, они более склонны приспосабливаться к новым обстоятельствам и работать на опережение.

На уровне страны недостаточная подотчетность органов государственного управления в сочетании с нахождением нефтяного сектора в государствен-

Многие государственные компании берутся за новые задачи, выходящие за пределы их основной сферы деятельности и специализации.

ной собственности подвергают страны значительному риску. Этот сектор обычно сопротивляется изменениям в технологиях производства и потребления энергии, которые могут радикально повлиять на энергетические рынки.

Примером (в части производства энергии) служит распространенное совмещение гидравлического разрыва пластов — часто называемого гидроразрывом — с горизонтальным бурением. Этот метод значительно упростил добычу нефти из сланцев, что изменило динамику рынка нефти. Добыча сланцевой нефти, которую можно прекращать и возобновлять намного быстрее и с меньшими затратами, чем при традиционном бурении, в конечном итоге приведет к укорочению циклов в ценах на нефть и их большей ограниченности, поскольку объем добычи при повышении цен растет, а при их снижении замедляется. Быстрый рост добычи сланцевой нефти — до 5 млн баррелей в день на мировом рынке объемом 94 млн баррелей в день — также мог внести свой вклад в создание избыточного предложения нефти, которое привело к обвалу цен на нефть.

Другой пример касается изменений в технологиях энергопотребления. По мере роста использования

гибридных и электрических автомобилей сектор транспорта будет все больше опираться на сектор электроэнергетики, и наоборот, электроэнергетика будет больше полагаться на транспорт, а роль нефтепродуктов уменьшится. Это неприятная новость для рынка нефти, главным направлением использования которой было обеспечение транспорта посредством таких продуктов, как бензин, дизельное топливо и авиатопливо. Технологические изменения также усилят конкуренцию с нефтью других источников энергии, таких как природный газ, и в перспективе — возобновляемых источников, таких как энергия солнца и ветра. Конечно, технологические изменения связаны с уровнем цен на энергоносители или с общей потребностью в инновациях — например, когда под угрозой находится бесперебойность энергоснабжения, как это было во время нефтяного кризиса 1970-х годов.

Так называемая теория «пиковой нефти», разработанная в середине 1950-х годов, утверждала, что мировая нефтедобыча, ограниченная геологической реальностью и способностью вести добычу нефти, достигнет высшей точки приблизительно к 2020 году. Многие годы эта теория казалась верной. Но по мере того, как добыча предположительно приближалась к пиковому уровню, началась «сланцевая» революция. Во многих отношениях эту революцию и вызванный ею всплеск предложения можно считать ответной реакцией предложения нефти на высокие цены 2000-х годов, обусловленные экономическим подъемом Китая и последовавшим за ним расширением рынка нефтепродуктов. Это был прямой вызов излишне пессимистичной гипотезе «пиковой нефти», согласно которой геологические факторы будут ограничивать предложение.

Однако неясно, насколько снижение цен, которым ознаменовалась «сланцевая» революция, задержит отход от использования нефти в секторе транспорта. Ведь есть свидетельства того, что компании в автомобильной отрасли

склонны внедрять больше так называемых «чистых» технологий, когда сталкиваются с повышением цен на топливо.

Неокупаемые активы

Важно понимать роль технологических изменений на энергетических рынках, поскольку такие изменения во многом определяют судьбу нефти, а также зависимых от нее стран и компаний.

Переход к низкоуглеродным или безуглеродным источникам энергии (таким как возобновляемые источники) является главной целью усилий по сдерживанию глобального потепления и может нанести урон богатым нефтью странам. Снижение спроса на топливо с высоким содержанием углерода, в частности нефти, сделает освоение этими странами своих запасов экономически нецелесообразным, превращая эти запасы в так называемые неокупаемые активы.

Исторически значимое Парижское соглашение 2015 года об удержании роста глобальной температуры на уровне ниже 2 градусов по Цельсию делает акцент на отказе от ископаемых видов топлива, чему способствуют изменения в технологиях производства и потребления энергии (например, возобновляемые источники энергии и электрические и гибридные автомобили). Есть данные, свидетельствующие о том, что треть запасов нефти, половина запасов газа и 80 процентов угольных запасов навсегда останутся в недрах земли, если цели соглашения будут достигнуты (см. статью «Несгораемое богатство народов» в мартовском выпуске *Ф&P* 2017 года). Среди тех, кто сильно пострадает, будут ближневосточные нефтедобывающие государства. Около 260 млрд баррелей нефти на Ближнем Востоке нельзя будет сжечь, если мир намерен достигнуть своей цели в отношении потепления. Помимо нефти, оборудование и прочие основные фонды, используемые для разведки и освоения этих месторождений, также могут стать неокупаемыми.

При этом величина потенциально неокупаемых активов растет. Недавно открытые огромные месторождения нефти и газа (в Египте, Израиле, Ливане) расширяют список стран, чьи нефтяные и газовые активы могут никогда не покинуть недра земли. Учитывая то, как много стран подвержены риску неокупаемых активов, диверсификация, способствующая адаптации к этому риску и его сокращению, является приоритетной задачей органов государственного управления и предприятий.

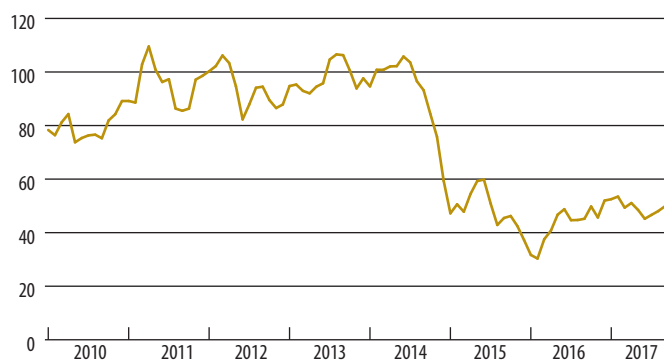
Сокращение выбросов углерода

При любой попытке диверсификации движение в сторону сокращения углеродной составляющей в источниках энергии будет благотворным, поскольку оно открывает перед странами огромные возможности по освоению потенциала относительно малоиспользуемых возобновляемых ресурсов. Регион Ближнего Востока и Северной Африки обладает не только обширными запасами нефти, но и значительными и в целом неосвоенными возобновляемыми ресурсами. Действительно, каждые шесть часов солнце

Сползание

Ожидается, что снижение цен на нефть, начавшееся в 2014 году, приведет к затяжному периоду низких цен.

(Цена на нефть, доллары за баррель)

Источник: Управление информации в области энергетики США.

Примечание. График основан на цене нефти сорта West Texas Intermediate — распространенном контрольном показателе.

обеспечивает пустыни мира более значительным количеством энергии, чем планета потребляет за год, по данным DESERTEC — проекта, предлагающего глобальный план развития возобновляемых источников энергии, который предусматривает использование устойчивой энергии из областей, изобилующих возобновляемыми источниками энергии. Исследования Германского центра авиации и космонавтики показали, что солнце в пустыне может без труда обеспечивать достаточно энергии для удовлетворения растущего спроса на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также помогать снабжать энергией Европу.

Большое число занятых в государственном секторе, который финансируется за счет нефтяных доходов, заглушает стимул к инновациям.

Солнечная энергия и другие возобновляемые энергетические активы дают странам Ближнего Востока и Северной Африки возможность нейтрализовать риск некупаемых нефтяных и газовых активов. По данным Национального управления по авиации и исследованию космического пространства, солнечное излучение в этом регионе действительно самое сильное, наряду с некоторыми областями Азии и Соединенных Штатов.

Эти не связанные с нефтью и газом ресурсы могут способствовать удовлетворению растущего спроса на электроэнергию со стороны увеличивающегося населения Ближнего Востока и Северной Африки. Но чтобы освоить энергию возобновляемых источников, региону требуются более совершенная и масштабная инфраструктура, более образованное население, сильная государственная власть и надлежащие стимулы, побуждающие хозяйственных руководителей и предпринимателей внедрять существующие передовые технологии. Несколько стран уже приступили к реализации амбициозных проектов по увеличению своего сектора возобновляемых источников энергии. Объединенные Арабские Эмираты, например, стремятся к тому, чтобы к 2021 году 24 процента их первичного энергопотребления обеспечивалось возобновляемыми источниками энергии. Марокко объявило о строительстве первого блока гигантской солнечной электростанции в пустыне Сахара, суммарная производительность которой к 2020 году должна достичь двух гигаватт, что сделает ее крупнейшей отдельно взятой солнечной электростанцией в мире.

Насущная потребность

Снижение цен на нефть и газ может сделать трансформацию неотложной задачей. Изречение о том, что «нужда всему научит», похоже, звучит особенно актуально для богатых нефтью стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые пережили шок от падения цен на нефть и понимают, что нужно развивать секторы экономики, устойчивые к изменениям на энергетических рынках. Дубай, например, столкнувшись

с истощением своих запасов нефти, превратился в центр мировой торговли. Страны и предприятия, зависимые от этих рынков и обеспечиваемых ими доходов, должны разработать меры политики для управления рисками и использования возможностей, связанных с трансформацией.

Институциональные факторы, такие как корпоративное управление, правовые системы, конкурентные рынки — то есть не имеющие барьеров для выхода на рынок и ухода с него, — и протекционистские расходы государственных компаний, влияют на отношение к инновациям и восприимчивость к новым идеям и, соответ-

ственно, на процесс трансформации в странах, богатых нефтью. Например, большое число занятых в государственном секторе, который финансируется за счет нефтяных доходов, заглушает стимул к инновациям. Меры экономической политики, не направленные на изменение подходов, вряд ли обеспечат реализацию необходимой программы трансформации в богатых нефтью странах.

Саудовская Аравия — главная нефтедобывающая страна региона и, возможно, мира, — похоже, осознает, что необходимо дополнить давний источник своего благосостояния нефтяными доходами. В рамках масштабного плана преобразования своей экономики страна объявила о публичном предложении 5 процентов акций государственной нефтяной компании ARAMCO. По-видимому, это первый шаг к тому, чтобы последовать примеру западных публичных акционерных обществ, таких как Exxon, которые ранее занимались только нефтедобычей, но расширили спектр деятельности, став энергетическими компаниями, сочетающими использование своих нефтяных активов с другими формами энергии.

Сосредоточенность на конечной цели диверсификации слишком долго удерживала страны Ближнего Востока и Северной Африки от правильной организации процесса. Трансформационные меры политики должны отойти от подхода «сверху-вниз», который определяет, какие секторы следует развивать. Вместо этого они должны создавать условия, способствующие рыночной конкуренции, меняющие стимулы для руководителей и технически продвинутых молодых предпринимателей и помогающие им, их фирмам, а в конечном итоге и всей экономике в полной мере раскрыть свой потенциал. **ФР**

РАБАХ АРЕЦКИ, ранее возглавлявший подразделение биржевых товаров Исследовательского департамента МВФ, является вновь назначенным главным экономистом Всемирного банка по региону Ближнего Востока и Северной Африки.

ЦЕНА конфликта

Конфликты на Ближнем Востоке имеют тяжелые последствия для экономики стран этого региона
Фил де Имус, Гаэль Пьер и Бьорн Ротер

*Атме, Сирия — 14 января 2013 года:
две сирийские девочки стирают
одежду у своей палатки
в лагере для перемещенных лиц
в Атме, Сирия.*

За последние 50 лет нигде в мире конфликты не были такими частыми и ожесточенными, как на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Страны этого региона находятся в состоянии войны в той или иной форме в среднем раз в три года. Сегодня не проходит и дня без сообщений СМИ о насилии, масштабных страданиях населения и крупных разрушениях в таких странах, как Ирак, Сирия и Йемен.

Эти конфликты сопряжены с огромными человеческими и экономическими издержками как для непосредственно участвующих в них стран, так и для их соседей. В 2010–2016 годы в Ливии, Сирии и Йемене происходили глубокий спад их экономики и резкое повышение инфляции. Экономика Ирака остается уязвимой из-за конфликта с Исламским государством (ИГИЛ) и падения цен на нефть с 2014 года. Столкновения также распространились на другие страны, породив проблемы, такие как давление на экономику вследствие принятия беженцев, которые, как ожидается, сохранятся. Ожесточенный конфликт усугубил условия в регионе, который уже сталкивается со структурными недостатками, низкими инвестициями, а в последнее время — падением цен на нефть, что оказывает существенное воздействие на экономику нефтедобывающих стран.

коэффициенты отсева из учебных заведений достигали 52 процентов, а оцениваемая продолжительность жизни упала с 76 лет до конфликта до 56 лет в 2014 году. С тех пор ситуация еще более ухудшилась.

Во-вторых, *повреждаются и разрушаются физический капитал и материальная инфраструктура*. Дома, здания, дороги, мосты, школы и больницы, а также объекты инфраструктуры водоснабжения, энергоснабжения и санитарии сильно пострадали. В некоторых районах были фактически стерты с лица земли целые городские системы. Помимо этого, пришла в сильный упадок инфраструктура важнейших секторов экономики, таких как нефтяной сектор, сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, со значительными последствиями для роста, доходов бюджета и доходов от экспорта и валютных резервов. В Сирии с начала войны разрушено или повреждено более четверти жилого фонда, а в Йемене ущерб, причиненный инфраструктуре, усугубил засушливые условия и усилил серьезную угрозу продовольственной безопасности и рост заболеваний. Сильно пострадало сельское хозяйство страны, в котором было занято более половины населения: в 2016 году производство зерновых упало на 37 процентов по сравнению со средним за предыдущие пять лет (UNOCHA, 2017).

Даже когда самое ожесточенное насилие прекращается, страны часто по-прежнему уязвимы.

Важнейшие каналы

Конфликт затрагивает экономику по четырем важнейшим каналам.

Во-первых, *гибель людей, их ранения и перемещение серьезно ухудшают человеческий капитал*. Хотя в эти цифры трудно проверить, по оценкам, с 2011 года в конфликтах в данном регионе погибло полмиллиона гражданских и военных лиц. Более того, по состоянию на конец 2016 года на этот регион приходилась почти половина численности вынужденно перемещенных лиц в мире: 10 млн беженцев и 20 млн внутренне перемещенных лиц из этого региона были вынуждены покинуть свои дома. Только в Сирии почти 12 млн перемещенных лиц — больше, чем в какой-либо стране этого региона.

Конфликт также сокращает человеческий капитал, распространяя бедность. В странах, пострадавших от конфликта, даже за пределами регионов, непосредственно затронутых насилием, бедность зачастую повышается, когда занятость сокращается. Наряду с этим ухудшается качество услуг образования и здравоохранения — тем сильнее, чем дольше продолжается конфликт. Сирия служит ярким примером. Безработица подскочила с 8,4 процента в 2010 году до более чем 50 процентов в 2013 году,

В-третьих, *страдают организация экономики и ее институты*. Управление экономикой ухудшается особенно резко, когда качество институтов уже было низким до начала насилия, как в случае Ирака, Ливии, Сирии и Йемена. Этот ущерб влечет за собой сокращение коммуникаций, увеличение транспортных издержек и сбои в цепях поставок и сетях. Кроме того, когда воюющие стороны пытаются контролировать политическую и экономическую деятельность, институты могут коррумпироваться. Например, бюджетные расходы и кредит могут перенаправляться группам, поддерживающим тех, кто стоит у власти. Если смотреть шире, эффективность многих важнейших институтов экономики — центральных банков, министерств финансов, налоговых органов и судов по хозяйственным делам — снижается, потому что они теряют связь с более отдаленными частями своей страны. По оценке Всемирного банка, дезорганизация экономики обошлась приблизительно в 20 раз дороже, чем разрушение капитала в первые шесть лет сирийского конфликта (World Bank, 2017).

Наконец, *находятся под угрозой стабильность региона и его более долгосрочное развитие вследствие ее воздействия на доверие и социальную сплоченность*. Конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке усилили угрозу

безопасности и снизили доверие, что проявляется в сокращении иностранных и внутренних инвестиций, ухудшении показателей финансового сектора, увеличении расходов на безопасность и сокращении туризма и торговли. Кроме того, ослабло доверие в обществе, что негативно влияет на экономические операции и принятие политических решений.

Прямое и косвенное влияние

Макроэкономический ущерб может быть гигантским. ВВП Сирии в 2016 году, например, составлял, по оценкам, менее половины его доконфликтного уровня 2010 года (Gobat, Kostial, 2016). Йемен только в 2015 году потерял, по оценкам, от 25 до 35 процентов своего ВВП, а в Ливии, зависимость которой от нефти сделала рост ВВП чрезвычайно волатильным, в 2014 году — ВВП снизился на 24 процента, когда насилие возросло. Западный берег и сектор Газа позволяют взглянуть с более долгосрочных позиций на то, что может произойти с ростом в неустойчивой ситуации: последние двадцать лет их экономика фактически переживает застой в отличие от других стран этого региона со средним ростом почти 250 процентов в этот период (World Bank, 2015).

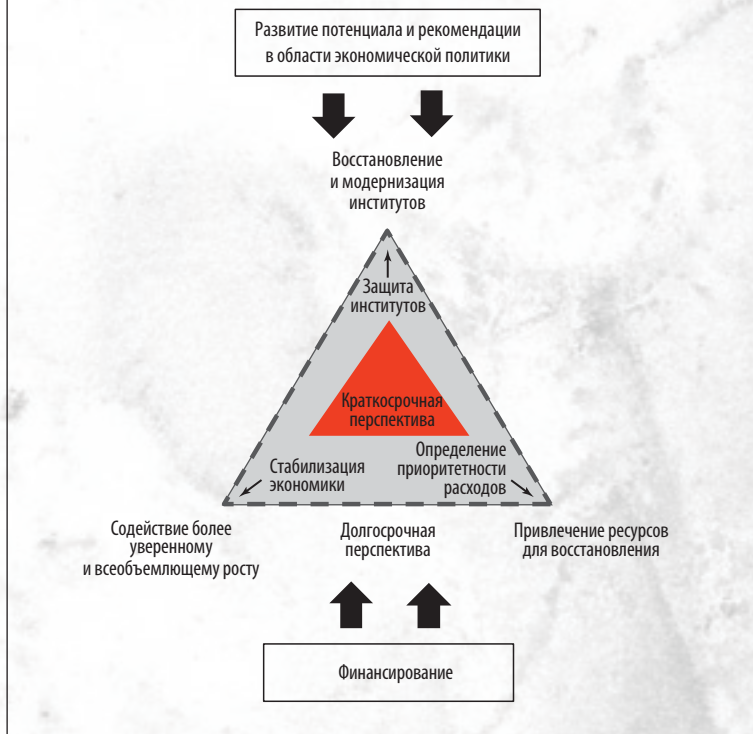
Кроме того, эти конфликты ведут к высокой инфляции и давлению на валютный курс. В Ираке в середине 2000-х годов она достигла пика и составляла более 30 процентов; в Ливии и Йемене в 2011 году она превысила 15 процентов вследствие обвала предложения важнейших товаров и услуг в сочетании с активным использованием монетарного финансирования бюджета. Сирия представляет собой еще более экстремальный случай: с 2010 года до конца 2016 года потребительские цены возросли приблизительно на 600 процентов. Такая динамика инфляции обычно сопровождается сильным девальвационным давлением на национальные валюты, которому официальные органы, возможно, попытаются оказать сопротивление посредством масштабной интервенции и регулирования трансграничных потоков. Эти силы, безусловно, действуют в Сирии: официальные котировки сирийского фунта, который в 2013 году был свободно плавающим, составляют приблизительно одну десятую его довоенного курса относительно доллара США.

Экономика соседних стран, принимающих беженцев, также испытывает давление. Наиболее непосредственно затронуты такие страны, как Турция, принявшая более 3 млн человек, — число, эквивалентное приблизительно 4 процентам ее населения в 2016 году; Ливан, принявший наибольшее число беженцев, абсорбировал приблизительно 1 млн человек, или около 17 процентов своего населения; и Иордания, в которую прибыло 690 000 человек, или 7 процентов ее населения (UNHCR, 2017).

В этих принимающих странах, которые уже неизбежно испытывали экономические проблемы, потоки беженцев создают дополнительное давление на бюджет и предложение продовольствия, инфраструктуры, жилья и услуг

Минимизация воздействия

Странам следует принимать меры по стабилизации экономики, пока конфликт продолжается, за которыми должны следовать меры по восстановлению и содействию всеобъемлющему росту, когда насилие стихнет.

здравоохранения. В странах, граничащих с зоной активного конфликта на Ближнем Востоке и в Северной Африке, средний годовой рост ВВП сократился на 1,9 процентного пункта — этого слишком мало для того, чтобы создать достаточно рабочих мест для увеличивающегося населения. Например, в Иордании средний годовой рост реального ВВП в 2011–2016 годы замедлился до 2,6 процента по сравнению с 5,8 процента в 2007–2010 годы.

Влияние большого притока беженцев может отразиться на экономике. Как показывает опыт Ливана, значительная неофициальная занятость беженцев, в сочетании с низкой экономической активностью, приводит к снижению как уровней заработной платы, так и участия в рабочей силе местного населения, особенно женщин и молодежи. В провинции Эль-Мафрак в Иордании (районе на северо-востоке страны, граничащем с Сирией) в 2012–2014 годы вследствие повышения спроса на жилье арендная плата возросла на 68 процентов по сравнению с 6 процентами в Аммане.

Достижение нескольких целей

Макроэкономическая политика и институты играют значительную роль в уменьшении воздействия конфликта, даже когда он продолжается, как для смягчения непосредственного ущерба, так и для улучшения долгосрочных перспектив развития экономики (см. рисунок). Пока конфликт продолжается, правительствам следует сосредоточить внимание на трех приоритетных задачах:

- **Защита экономических и социальных институтов от бездействия и коррупции.** Это поможет сократить распространение бедности, а также поддержать платежные системы и жизненно необходимые услуги. Дезорганизация центральных банков, например, может повлиять на платежные системы, имеющие важное значение для заработной платы в государственном секторе и управления валютными резервами, за счет которых оплачивается необходимый импорт. Отрядным примером служит планирование обеспечения непрерывности деятельности, осуществляемое Валютным управлением Палестины, позволившее сохранить действующую платежную систему и устойчивую макропруденциальную основу в периоды повышенного стресса, например, напряженности 2014 года в Газе.
- **Определение приоритетности государственных расходов для защиты жизни людей, ограничения увеличения дефицита бюджета и, насколько возможно, сохранения потенциала экономического роста.** Эти меры политики направлены непосредственно на решение проблем разрушения человеческого и физического капитала. Поддержание определенной бюджетной дисциплины помогает снизить бремя на правительство, когда насилие прекратится. В Ираке, например, официальные органы совместно с Всемирным банком и другими организациями планируют на целевой основе осуществлять государственные инвестиции в географических районах, отвоеванных у ИГИЛ в результате боевых действий, с целью добиться быстрых результатов, с тем чтобы улучшить государственные услуги, восстановить социальную сплоченность и заложить основу роста. В Афганистане в 2002–2003 годы новое правительство пыталось поддерживать бюджетную дисциплину и предоставлять основные услуги населению за счет внешней помощи. Оно сосредоточило расходы на безопасности, образовании, здравоохранении и гуманитарной помощи. Ситуация была чрезвычайно трудной ввиду утраты квалифицированных сотрудников Министерства финансов вследствие эмиграции в годы войны, частичного разрушения инфраструктуры региональных отделений министерства и повреждения телекоммуникационной и транспортной инфраструктуры.
- **Стабилизация макроэкономической и финансовой ситуации путем принятия действенных мер денежно-кредитной и курсовой политики.** Соответствующие меры политики помогают сдерживать инфляцию и волатильность валютного курса, которые усугубляют удар по уровню жизни. Хорошим примером служит Ливан. После того, как в 1989 году было сформировано правительство национального единства, экономика страны несколько лет оставалась уязвимой. В 1992 году официальные органы приняли политику номинального ориентира на основе валютного курса, нацеленную на незначительное номинальное повышение курса

ливанского фунта относительно доллара США. Эта политика позволила успешно стабилизировать ожидания, и инфляция упала до однозначных показателей.

К сожалению, как показывает опыт этого региона, данные приоритеты в области экономической политики трудно осуществить в периоды социально-политической уязвимости, когда директивные органы вынуждены заниматься достижением многих целей — часто противоречивых.

Когда конфликт уменьшится, основное внимание политики следует переключить на перестройку и восстановление экономики. Это, однако, оказалось нелегко, поскольку, даже когда самое ожесточенное насилие прекращается, страны часто по-прежнему уязвимы. Правительства часто не имеют полного контроля над всеми территориями в пределах своих границ, а безопасность остается труднодостижимой. В такое время экономическая политика должна быть направлена на укрепление мира. Главным приоритетом должны быть перестройка и модернизация институтов, привлечение ресурсов для восстановления и содействие более уверенному и всеобъемлющему росту. Но цена восстановления часто очень высока, особенно если конфликты в регионе накладываются друг на друга. Хотя стоимость восстановления в случае Ливии, Сирии и Йемена еще предстоит определить, по оценке Всемирного банка, ущерб, причиненный до настоящего времени, составляет порядка 300 млрд долларов.

В помощи странам, восстанавливающимся после конфликта, важную роль предстоит сыграть внешним партнерам. Эти партнеры, в частности, международные финансовые организации, могут выступать катализатором финансирования стран и даже предоставлять определенное финансирование сами, дополняя внутренние действия по привлечению доходов. Страны, втянутые в конфликт, неизбежно нуждаются в крупном объеме ресурсов для поддержки развития потенциала, когда война закончится, а также в финансировании для гуманитарных целей и восстановления. **ФР**

ФИЛ ДЕ ИМУС — старший экономист, **ГАЭЛЛЬ ПЬЕР** — экономист и **БЬОРН РОТЕР** — советник, все из Департамента стран Ближнего Востока и Центральной Азии.

В данной статье использован Документ персонала МВФ для обсуждения «The Economic Impact of Conflicts and the Refugee Crisis in the Middle East and North Africa» [«Экономическое воздействие конфликтов и кризиса беженцев на Ближнем Востоке и в Северной Африке»].

Литература:

- Gobat, Jeanne, and Kristina Kostial. 2016. "Syria's Conflict Economy." IMF Working Paper 16/123, International Monetary Fund, Washington, DC.
- United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). 2017. *Global Trends: Forced Displacement in 2016*. Geneva.
- United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (UNOCHA). 2017. "Yemen: Crisis Overview." Geneva.
- World Bank. 2015. "Economic Monitoring Report to the Ad Hoc Liaison Committee." Working Paper 96601, World Bank, Washington, DC.
2017. "The Toll of War: The Economic and Social Consequences of the Conflict in Syria." World Bank, Washington, DC.

МНОГООБЕЩАЮЩЕЕ БУДУЩЕЕ ТЕХНОЛОГИЙ

Правительства стран Ближнего Востока надеются, что цифровые предприниматели подстегнут экономический рост и создадут рабочие места для молодежи

Кэмпбелл Макдиармид

В 17 лет Тарек Наср открыл свою первую компанию по производству предметов одежды, таких как баскетбольные майки. Семнадцать лет спустя гражданин Египта переместился в цифровой мир и вот-вот привлечет 500 000 долларов на финансирование своего нового проекта «Mintrics», являющегося платформой для генерирования аналитики видеоизображений из социальных сетей.

«Моя цель — при определенном везении и если много работать, — превратить компанию в дело стоимостью 100 миллионов долларов, — говорит он в намеренно старомодную телефонную трубку во время видеозвонка из своего офиса в Каире. — Думаю, что это реально».

34-летний Наср, предпочитающий шорты и толстовки костюмам и галстукам, олицетворяет целеустремленных ближневосточных предпринимателей в сфере технологий. Участник арабской весны, в 2011 году свергнувшей власть во многих странах

региона, он принадлежит к поколению образованных молодых людей, надеющихся, что технологии смогут предоставить альтернативу работе в государственном или корпоративном секторе, где возможности сокращаются.

«Возможности карьерного роста в крупных корпорациях частного сектора ограничены, — говорит Айман Исмаил, бизнес-профессор Американского университета в Каире и основатель венчурной лаборатории университета. — Все, что остается — это малые и средние предприятия, управляемые самими предпринимателями».

Отсутствие работы

В свою очередь, политики стран Ближнего Востока надеются, что технологии смогут предложить хотя бы частичное решение одной из самых больших проблем региона — отсутствия рабочих мест для молодежи. Половина из почти 406 миллионов человек населения арабского мира младше 25 лет, а уровень

безработицы среди молодежи в регионе составляет 30 процентов.

Проблема занятости касается как более богатых стран — экспортеров нефти, так и более бедных стран, таких как Египет, Марокко и Тунис. В условиях увеличения дефицита бюджета и роста государственного долга Египет не может рассчитывать на государственные расходы в целях стимулирования экономического роста, необходимого для повышения уровня занятости. Вместо этого страна старается поощрять частное предпринимательство. Саудовская Аравия, где 70 процентов трудовых ресурсов заняты в государственном секторе, стремится диверсифицировать свою экономику и уменьшить зависимость от экспорта нефти.

«Мы хотим дать возможность молодым талантам стать предпринимателями, — говорит Наваф Аль-Саххаф, генеральный директор государственного технологического инкубатора Саудовской Аравии “Badir”. — Главная задача заключается в создании рабочих мест».

Это будет непросто. Помимо проблем, с которыми сталкиваются технологические стартапы во всем мире, предприниматели во многих странах Ближнего Востока сталкиваются с уникальными препятствиями, начиная со сложностей, связанных с привлечением капитала, и заканчивая громоздкими и устаревшими нормами регулирования хозяйственной деятельности. Большинство ближневосточных стартапов по-прежнему регистрируется в зарубежных юрисдикциях, таких как американский штат Делавэр, чтобы защитить инвесторов от присущей региону жесткой бюрократии и правовой системы.

Закон о банкротстве

Постепенно ситуация начинает меняться. Египет, который рассматривает инновации в качестве основного элемента своего плана по стимулированию долгосрочного экономического роста, ввел меру, которая предоставляет бизнесменам возможность реструктурировать свои компании в случае банкротства, а не отправляться сразу в тюрьму за неуплаченные долги.

При том что поощрением частного предпринимательства занимаются по меньшей мере пять министерств, такие люди, как проживающий в Каире частный инвестор в инновационные предприятия Кон О’Доннелл, жалуются на плохую координацию и дублирование работы. Более того, он видит противоречия в целях предпринимателей и правительства. «Правительство интересуется не созданием стоимости, а только рабочие места, — говорит он. — Но генеральный директор в первую очередь думает совсем не об этом».

Некоторые технологические стартапы превратились в крупных работодателей. Компания по вызову частных такси «Careem», созданная в Дубае в 2012 году, обеспечивает работой 250 000 водителей. Однако большинство таких компаний все же намного меньше. «Souq.com», также расположенная в Дубае, является ведущим онлайн-магазином региона и насчитывает порядка 3 000 работников (для сравнения, в компании «Amazon» работает более 350 000 человек).

«Исследования подтверждают общее наблюдение о том, что предпринимательство может иметь решающее значение для создания рабочих мест», — пишет внештатный научный сотрудник Бруклинского центра в Дохе Бессма Момани в докладе 2017 года о предпринимательстве как движущей силе создания рабочих мест в арабском мире. «Однако, — добавляет она, — региону еще только предстоит создать экономическую экосистему, необходимую для процветания предпринимательства».

Область, на которую, скорее всего, окажут влияние технологические стартапы, — это накопление капитала.

Приобретение «Souq» компанией «Amazon» в марте 2017 года за рекордные для региона 650 миллионов долларов стало знаковым событием. «Это подтверждение того, что в регионе могут быть созданы отличные и крупные технологические компании», — говорит Самих Тукан, один из сооснователей «Souq».

«Souq» был одним из 60 проданных за последние пять лет стартапов в регионе на общую сумму более 3 миллиардов долларов, согласно данным онлайн-платформы «MAGNiTT», которая помогает установить связь между технологическими предпринимателями региона и инвесторами. «MAGNiTT» насчитала более 3 000 стартапов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, привлечших только в 2016 году рекордные инвестиции в размере более чем 870 миллионов долларов. Для сравнения, в Латинской Америке, где проживает больше людей, но несколько ниже уровень доступа к интернету, стартапы привлекли 500 миллионов долларов венчурного капитала в 2016 году, из которых 342 миллиона были инвестированы в сектор информационных технологий, согласно данным Латиноамериканской ассоциации инвесторов в частный акционерный и венчурный капитал.

Отставание

Тем не менее, Ближний Восток отстает от стран с развитой экономикой. По данным октябрьского отчета «McKinsey & Company» 2016 года, вклад цифровых технологий в ВВП составляет порядка 4 процентов на Ближнем Востоке (без Северной Африки) по сравнению с 8 процентами в Соединенных Штатах, а доходы от них составляют всего 1 процент от всех доходов, получаемых 1000 ведущими технологическими компаниями мира, по сравнению с 36 процентами в Соединенных Штатах.

Одним из лидеров региона в области цифровых технологий являются Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), на которые приходится 42 процента региональных стартапов, согласно данным «MAGNiTT». Крупнейший город страны Дубай привлекает предпринимателей со всего региона. Как объясняет Наср, опытный египетский предприниматель: «Там отличная инфраструктура, блестящий интернет, есть много помещений для коворкинга» или совместно используемых офисов, создающих условия для сотрудничества.

Сами ОАЭ также выигрывают от последовательной реализации стратегии инноваций. Одним их примеров

является проект «Dubai Future Accelerators», представляющий собой девятинедельную программу, сводящую вместе технологические компании и государственные ведомства, в рамках которого чиновники могут способствовать внесению изменений в нормы регулирования, необходимых для более быстрого привлечения на рынок новых технологий. «Проблема заключается в том, что инновации могут часто сталкиваться с сопротивлением, особенно со стороны государственных структур, — рассказывает исполнительный директор проекта Халфан Белхул. — Однако эмир Дубая шейх Мохаммед ибн Рашид Аль Мактум хочет превратить Дубай в место номер один в мире для всех изобретателей и новаторов».

По всему региону правительства открывают технологические фонды. Как говорит независимый технологический аналитик по региону Ближнего Востока Рейчел Уильямсон, запущенный в этом году Фонд Саудовской Аравии, являющийся крупнейшим по размеру капитала в 100 миллиардов долларов, еще не успел оказать влияние на зарождающуюся технологическую отрасль страны. «Он быстро строится, но пока он еще совсем новый, — говорит она. — Разговоров много, но пока почти ничего нет в плане экосистемы».

Многообещающий рынок

Стремительно растущее население Египта в 90 миллионов человек, крупнейшее в арабском мире, делает его многообещающим, хотя и непростым, рынком. По оценкам правительства, немногим меньше половины людей в стране имеют доступ к интернету. Предприниматели, такие как Амир Барсум, считают, что многие проблемы Египта (от перегруженных школ и больниц до разрушающейся инфраструктуры) открывают возможности для предпринимательства. Имея всего лишь правильную идею (приложение, упрощающее доступ к финансовым услугам, более удобный способ вызвать такси), они могут совершить прорыв в существующих технологиях для того, чтобы решить эти проблемы и при этом заработать. Имея финансирование в размере 10,5 миллионов долларов, «Vezeeta» расширила бизнес с Египта на Иорданию и Ливан, и в ближайшее время планирует начать работу также в других ближневосточных странах.

В 2012 году Барсум создал цифровую платформу «Vezeeta» для оказания медицинских услуг для автоматизации записи на прием к специалисту и сокращения времени ожидания в очередях в больницах и клиниках. На сегодняшний день в компании работают 200 сотрудников, благодаря ей 1 миллион пользователей могут записаться на прием к врачам, каждый месяц число таких записей составляет 60 тысяч.

Финансы — еще одна область, предоставляющая возможности. В регионе, где всего 14 процентов взрослых имеют банковский счет, создано более 100 компаний, работающих в области финансовых технологий. Одной из них является платформа «Fawgy», которая позволяет оплачивать счета и предоставляет другие услуги

онлайн через мобильные кошельки и 65 000 точек доступа.

«Финтех только начал бурно развиваться в регионе», — говорит египтянин Ахмед Вади, недавно запустивший приложение под названием «Moneyfellows», позволяющее незнакомым людям брать друг у друга и давать друг другу средства в долг. «Мы помогаем людям получить беспроцентный кредит на основании их репутации в обществе, а не их кредитного рейтинга», — говорит он.

Наср воспользовался ростом рекламного рынка Египта. После получения диплома бакалавра по бизнес-администрированию в Университете Нью-Брансуика в Канаде он вернулся в Египет. При помощи инвестиций друзей и семьи он запустил креативное агентство в Каире под названием «The Planet», которое занимается рекламой в социальных сетях. После того как оно раскрутилось, он запустил технологический инкубатор «Juice Labs», который обеспечивает финансирование, наставничество и помощь другим цифровым стартапам.

Зарождающаяся культура

Базирующийся в Каире инвестор в инновационные предприятия О'Доннелл наблюдает зарождение в арабском мире культуры предпринимательства. Одним из признаков этого стало появление популярных телевизионных реалити-шоу в прайм-тайм, таких как «El Mashrou3» («Проект»). В этом шоу, впервые вышедшем в Египте в 2014 году, участвуют предприниматели в сфере технологий, которые предлагают новые идеи инвесторам. Для молодых людей предпринимательство становится просто «еще одним вариантом» профессиональной карьеры. «И общество, и семьи принимают эту идею», — говорит О'Доннелл.

Гражданин Ирландии, приехавший в 1990-е годы учиться арабский язык, О'Доннелл остался в стране и работал в нескольких медиа-компаниях прежде, чем основал «Sarmady». Это веб-сайт на арабском языке (первый в своем роде), содержащий информацию о новостях, спорте и развлечениях, а также путеводители. В 2008 году он продал его компании «Vodafone» за нераскрытую сумму и с тех пор инвестировал в 15 египетских стартапов, начиная от «Instabug», инструмента для разработчиков приложений, до сайта онлайн-рекрутинга «Wuzzuf».

Однако опытные игроки, такие как О'Доннелл, предупреждают инвесторов, ищущих быстрых прибылей на Ближнем Востоке: учитывая препятствия для ведения бизнеса в регионе, лучше ставить на «верблюдов», чем на «единорогов».

«Мы называем проекты “верблюдами”, потому что им как-бы нужно сделать большой запас воды, чтобы преодолеть пустыню, — объясняет О'Доннелл. — Проектам здесь может повезти с начальными инвестициями, но мы редко видим, чтобы после этого в них случались большие вложения, поэтому они должны быть готовы разом пройти длинный путь».

КЭМПБЕЛЛ МАКДИАРМИД — журналист-фрилансер, проживающий в Ираке.

Предубеждение и БАРЬЕРЫ

Повышение доли участия женщин в рабочей силе в арабском мире могло бы стимулировать экономический рост, но есть глубоко укоренившиеся препятствия

Назила Фатхи

После восстаний 2011 года во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки роль женщин в экономике несколько расширилась — по крайней мере, формально. Но, как показывают нижеследующие примеры, женщинам в регионе по-прежнему нелегко работать и еще труднее учредить бизнес и управлять им. И слишком часто для того, чтобы преуспеть в делах, им необходима поддержка родственника-мужчины.

Прежде чем начать выпускать журнал *Middle East Business Magazine and News* на арабском и английском языках, Амаль Дарагмех Масри посвятила 13 лет тому, чтобы подготовить для этого почву. Она учредила Ougarit Group, компанию по связям с общественностью и СМИ в 1999 году, чтобы наладить необходимые контакты и приобрести опыт. Когда в 2012 году журнал вышел в свет, она думала, что сможет преодолеть любые предубеждения по отношению к женщинам-предпринимателям, разработав план обеспечения финансового успеха издания.

«Есть два вида женщин», — сказала Масри, которая живет в городе Рамаллах на Западном берегу. «Женщины и упрямые женщины. В этих краях нужно быть упрямой, чтобы преуспеть».

Но Масри быстро поняла, что даже для упрямых женщин было мало стимулов к созданию бизнеса с перспективой роста. В арабском обществе считается, что мужчины должны быть основными добытчиками для семьи, и устремления женщин настолько не принимаются во внимание, что, по законам страны, журнал Масри оказался не соответствующим критериям бизнеса, находящегося в собственности женщины. Она не смогла получить ссуду для бизнеса, поскольку журнал был отнесен к категории услуг, как ей сказали, а не товаров, таких как вышивка и ремесленные изделия, производимые другими принадлежащими женщинам предприятиями. Масри пришлось

попросить ее мужа подписать заявку на кредит, потому что он владел собственностью, которая могла послужить в качестве залога. Но затем из-за участия мужа ей не удалось получить освобождение от уплаты налогов на пять лет, предоставляемое предприятиям, принадлежащим женщинам.

Сегодня у Масри, которой 49 лет, работают пять человек, включая ее 21-летнюю дочь на должности видеооператора, и она создала пул платных подписчиков и рекламодателей.

По ее словам, залогом успеха ее дела стал ее муж. «Без мужа мне бы это, возможно, не удалось», — сказала она. Мать троих детей утверждает, что каждой работающей арабской женщине нужен поддерживающий ее партнер-мужчина, готовый разделить это бремя.

Коэффициент участия женщин в рабочей силе на Ближнем Востоке и в Северной Африке — самый низкий в мире, на уровне 21,2 процента, согласно отчету Международной организации труда за 2017 год, по сравнению с примерно 40 процентами в других частях мира. Тем не менее, с повышением уровня образования среди молодых женщин женщины стали движущей силой перемен, требуя равных возможностей даже в традиционных странах, таких как Саудовская Аравия.

И все же прогресс был медленным, даже в такой стране, как Марокко, где женским организациям удалось добиться от правительства принятия более прогрессивных законов, запрещающих дискриминацию по признаку пола, трудно было порвать с прошлым. Патриархальные взгляды по-прежнему широко распространены в семье и обществе, и многие женщины остаются на низкооплачиваемой работе, если работают вообще.

Факторы помимо культуры могут усугубить проблему. Например, в Рамаллахе Израиль закрыл границы и ограничил передвижение людей. Фирмы, которые традиционно нанимали женщин, например,

в текстильном секторе, обанкротились. В 2012 году женщины составляли всего 17 процентов рабочей силы на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

По словам Масри, комендантский час и дорожные заграждения создают финансовые проблемы и для нее. Дорого обходится ввоз необходимого оборудования «и, следовательно, это плохо для дела, будь вы мужчиной или женщиной — владельцем бизнеса», — сказала она.

Одним из лозунгов, которые звучали во всем Тунисе во время восстания Арабской весны, начавшегося в конце декабря 2010 года, был «работа, свобода и достоинство». Безработица в арабском регионе, достигшая уровня 27 процентов в Тунисе, — самая высокая в мире. Женщины, составляющие большинство студентов в большинстве университетов по всему арабскому миру, были, как и их коллеги-мужчины, часто не в состоянии найти работу после окончания учебы.

Разочарованные отсутствием экономических возможностей, женщины были в авангарде протестов в Тунисе и других арабских государствах, в которых распространились протесты в 2011 году. Среди них была Лина Бен-Менни, дочь учителя и государственного служащего.

«Говоря о занятости или работе, я имела и теперь имею в виду работу для женщин и мужчин, свободу и достоинство для обоих полов», — говорит она.

Внештатный переводчик, она вела блог с самого начала революции. После падения правительства президента Зин

эль-Абидин Бен Али, Бен-Менни устроилась работу преподавателем лингвистики в Тунисском университете, но продолжала вести искренний блог, возмущаясь тем, что, несмотря на прогрессивные законы, введенные в 1956 году, женщины по-прежнему находились в маргинальном положении.

«Тунис считается одной из наиболее прогрессивных стран с точки зрения прав женщин. Но когда дело доходит до реальности, все далеко не так», — говорит она. «На руководящих должностях мало женщин, нет равенства в уровне заработной платы, а работодатели предпочитают нанимать мужчин в связи с такими нюансами, как беременность женщин».

Мужчины ежедневно преследуют женщин в общественных местах по всему арабскому миру с комментариями об их внешности или одежде. Но с распространением исламских групп в Тунисе после революции Бен-Менни и женщины — ее единомышленницы столкнулись с новой формой преследования. Общий климат религиозного консерватизма заставил людей с подозрением относиться к новомодным свободам, таким как более активная роль женщин в обществе и то, что они ставят под сомнение традиции. Оскорбления и угрозы под адресу Бен-Менни дошли до того, что она боялась за свою жизнь.

«Экстремисты не могли примириться с тем, чтобы женщина не подчинялась их взглядам и их критиковала», — поясняет она. В настоящее время ей 34 года, она живет с родителями, а ее работа внештатным переводчиком не дает ни стабильного дохода, ни гарантии занятости. Бен-Менни

Если бы больше женщин работали...

Согласно недавно подготовленному докладу Международной организации труда (МОТ), арабские государства оказываются на последнем месте в мире по участию женщин в рабочей силе на уровне 21,2 процента в 2017 году. Этот показатель неуклонно растет, но женщинам в арабских государствах, к которым, по определению МОТ, относятся страны, входящие в Совет сотрудничества стран Залива, а также Ирак, Иордания, Ливан, Западный берег реки Иордан и сектор Газа и Сирия, все еще предстоит долгий путь до преодоления разрыва с мужчинами, участие которых составляет 76,4 процента.

Почему этот гендерный разрыв имеет значение? В условиях дефицита новых источников роста увеличение доли участия женщин в рабочей силе может быть одним из способов стимулирования экономического роста на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В 2014 году лидеры Группы двадцати (G-20) стран с развитой экономикой и с формирующимся рынком обязались сократить к 2025 году гендерный разрыв участия в рабочей силе на 25 процентов. Если эта цель будет реализована во всех странах, занятость в мире может повыситься на 5,3 процента, утверждает МОТ.

Такой результат привел бы к значительному экономическому росту, повысив мировой ВВП в 2025 году на целых 3,9 процента или 5,8 трлн долларов. Регионы с наибольшими гендерными разрывами — Северная Африка, арабские госу-

дарства и южная Азия — выиграют в наибольшей степени. Согласно ноябрьскому выпуску «Перспектив развития региональной экономики» МВФ за 2013 год, регион Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и Пакистана мог бы увеличить объем производства нарастающим итогом на 1 трлн долларов за десятилетие, предшествовавшее выпуску доклада, если бы участие женщин в рабочей силе возросло в достаточной степени, чтобы сократить гендерный разрыв с трехкратного до двукратного среднего показателя для других стран с формирующимся рынком и развивающихся стран за этот период.

Существуют явные экономические выгоды, связанные с привлечением большего числа женщин в состав рабочей силы. Но есть и другие положительные эффекты, такие как повышение благосостояния женщин и расширение возможностей для их влияния и достижения жизненных целей.

И эти положительные эффекты подтверждаются данными. В докладе МОТ говорится о том, что 70 процентов опрошенных женщин предпочитают работать на оплачиваемых рабочих местах, независимо от их текущего статуса занятости. Но более половины всех женщин в мире не входят в состав рабочей силы, что указывает на серьезные проблемы, ограничивающие их потенциал и свободу участия.

Настоящая вставка основана на издании *World Employment Social Outlook: Trends for Women 2017*, опубликованном Международной организацией труда.

олицетворяет проблемы занятости, с которыми сталкиваются женщины. После «революции» и обещанных ей новых возможностей для женщин уровень безработицы среди женщин в Тунисе повысился на 13 процентных пунктов до 40 процентов, почти в два раза превысив этот показатель для мужчин.

После Арабской весны и под давлением женских организаций, король Марокко Мохаммед VI в 2011 году пересмотрел Конституцию, с тем чтобы гарантировать равенство мужчин и женщин. Экономика испытывала трудности, и официальные лица считали, что повышение доли участия женщин в рабочей силе может стать для нее импульсом. Многие приветствовали этот шаг.

Шесть лет спустя, однако, традиционный порядок остается по большей части неизменным. Женщины жалуются, что отсутствие базовых льгот, таких как отпуск по беременности и родам и недорогой уход за детьми, заставляет их бросать работу. Абир Эддуада, бывший бухгалтер в компании графического дизайнера в Касабланке, относится к таким женщинам. После рождения близнецов, ее муж, гражданский служащий, ожидал, что она останется дома.

«Он не мог позволить чужим людям заботиться о наших детях. Но даже если бы он был готов на это, у меня не было бы другого выхода. Недорогого дневного ухода за детьми, как в Европе и в Соединенных Штатах, здесь даже нет», — сказала Эддуада.

Эддуада, которой исполнилось 37 лет, думала, что вернется на работу, когда ее близнецы пойдут в школу. Но она по-прежнему остается дома с детьми 10 лет спустя.

«Я подавала заявления на десятки вакансий, — рассказала она. — Никто не хочет нанимать мать, которая должна возвращаться домой рано во второй половине дня, чтобы забрать детей из школы». Только 15 процентов женщин в городских районах Марокко работают, по сравнению с 62 процентами мужчин. Эддуада считает, что такие практические шаги, как доступный по цене уход за детьми и группы продленного дня в школе, в дополнение к правовым реформам, могут проложить путь к изменению восприятия женщин обществом.

Саудовская Аравия начала рассматривать женщин как средство диверсификации своей экономики только после резкого снижения цен на нефть. В 2013 году покойный король Абдулла Абдулазиз разрешил женщинам Саудовской Аравии работать в розничной торговле и индустрии гостеприимства, а первым саудовским женщинам-юристам были выданы удостоверения на право заниматься профессиональной практикой. В настоящее время женщины страны работают в сфере образования и здравоохранения, наряду с другими секторами. 26 сентября 2017 страна объявила о том, что отменит запрет на вождение автомобилей женщинами, что облегчит им передвижение в стране, где общественный транспорт практически отсутствует.

И все же в Саудовской Аравии нелегко быть работающей женщиной. Мужчины официально имеют право опеки над женщинами, что означает, что отец, брат, муж или даже сын в возрасте старше 15 лет принимает все относящиеся к ним юридические решения. Без согласия мужчины-опекуна женщина не может путешествовать, учиться, вступать в брак или даже пойти на хирургическую операцию.

Несмотря на пройденный такими женщинами, как тридцатилетняя Фатима Альматируд, долгий путь по сравнению с их матерями, они по-прежнему сталкиваются с трудностями из-за своего пола. Ее отец из восточного города Сафва, имеющий начальное школьное образование, далеко не сразу дал разрешение на ее учебу в Университете короля Сауда в столице Эр-Рияде.

«Я понимала его беспокойство как отца, но мне хотелось, чтобы он доверял мне и позволил мне принимать решения о моей собственной жизни», — сказала она.

Алматруд получила степень магистра по психологии и работает психологом в психиатрической больнице Хафр Аль-Ба-Тин, зарабатывая примерно 30 000 долларов в год. Она сняла квартиру недалеко от больницы и продуктовых магазинов. Но, по ее словам, жить в 300 милях от родных — это «психологическое» бремя. В конце каждой недели она ездит домой — на такси или автобусе — несмотря на то что это дорого.

В больнице, по ее мнению, дискриминация по гендерному признаку мешает женщинам полностью реализовать свой потенциал. «Менеджеры предвзято относятся к женщинам», — сказала она.

«Они поручают мужчинам более ответственные задачи. В итоге женщины выполняют самые элементарные обязанности, что не позволяет нам продемонстрировать нашу техническую подготовку для карьерного роста». Когда менеджер Алматруд уходит в отпуск, он всегда оставляет главным коллегу-мужчину.

Страна стремится повысить участие женщин в рабочей силе с нынешних 22 процентов до 28 процентов к 2020 году. Большинство женщин, пользующихся экономическим и политическим влиянием, происходят из состоятельных семей. Алматруд беспокоится по поводу своих перспектив профессионального роста. Она одинока, но знает, что столкнется с новым набором проблем, когда выйдет замуж. У нее появится новый мужчина-опекун, а если будут дети, то нет никаких мер политики, которые благоприятствовали бы семье.

Есть все же основания для надежды, такие как отмена запрета на вождение автомобилей и смягчение в июне некоторых законов королевства об опеке. Изменения наступают, но пока еще не ясно, достаточно ли быстро для того, чтобы ими могла воспользоваться Алматруд. **ФР**

НАЗИЛА ФАТХИ — бывший корреспондент *New York Times* и автор книги *The Lonely War: One Woman's Account of the Struggle for Modern Iran* («Одинокая война: одна женщина о борьбе за современный Иран»).

ФОТО: BILAL JAREKI

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Ибрагим Саиф рассказывает, почему достижение консенсуса является ключом к успешной реформе энергетических субсидий.

ИБРАГИМ САИФ, бывший иорданский министр энергетики и полезных ископаемых, был активным сторонником реформы энергетических субсидий и отказа его страны от внешних источников энергии. В 2015 году Саиф помог разработать десятилетний план экономического и социального развития Иордании под названием «Vision 2025», призывающий увеличить удельный вес получаемой из местных источников энергии в потреблении, а также долю возобновляемых источников энергии. Саиф, который вошел в состав правительства Иордании на заключительном этапе масштабной реформы энергетических субсидий, предсказывает, что к 2025 году Иордания будет генерировать 20 процентов собственной энергии из возобновляемых источников.

После серии неудачных попыток Иордания, бедная природными ресурсами страна — импортер нефти, в 2012 году осуществила успешную реформу общих топливных субсидий. Перед энергетическим сектором страны встали серьезные проблемы, когда сильно субсидированные цены на энергоносители резко выросли

одновременно с ростом спроса со стороны населения. Столкнувшись с высоким уровнем долга и давлением на бюджет, королевство решило отказаться от общих топливных субсидий. Страна еще не завершила реформу субсидий на электроэнергию.

Саиф — бывший директор Центра стратегических исследований Иорданского университета, занимал должность генерального секретаря Экономического и социального совета Иордании. Он преподавал в Лондонском и Йельском университетах, где руководил курсами по экономике стран Ближнего Востока. Имеет степень доктора экономических наук Лондонского университета, в настоящее время является советником правительства Омана.

В этом интервью Саиф рассказывает журналисту Ф&Р Вафе Амр об опыте своей страны в области реформы субсидий и потенциале возобновляемой энергетики в регионе.

Ф&Р: Расскажите, пожалуйста, о ситуации в энергетике Иордании.

ИС: Иордания покрывает примерно 95 процентов своих потребностей в энергии за счет импорта, при этом стоимость импортированной энергии составляет приблизительно 18 процентов ВВП. Иными словами, почти четверть каждого доллара, который мы тратим, идет на энергию. Это довольно много, и мы находимся в уязвимом положении. Более того, Иордания имеет энергоемкую экономику. Сейчас, когда цены на нефть более низкие, счет страны за импорт энергии составляет порядка 5 миллиардов долларов. Примерно 10 процентов потребления домашних хозяйств приходится на какой-то вид энергии, будь то электричество или топливо.

Ф&Р: Что заставило Иорданию провести реформу энергетических субсидий в 2011 году?

ИС: Реформа энергетических субсидий была проведена в ответ на уязвимость экономики Иордании перед изменением международных цен на нефть и на поведение потребителей в Иордании в течение многих лет. Субсидии способствовали искаженному потреблению.

Топливные субсидии были огромным бременем для нашего бюджета. Не только экономика в целом была подвержена уязвимости из-за импорта, но и государственные расходы, потому что даже если правительство хотело гарантировать определенную цену, оно заранее никогда не знало, сколько средств нужно заложить на субсидии в конце каждого года. Наша экономика была заложником внешних обстоятельств.

Вот почему Иордания решила, что ситуация является неприемлемой. Топливные субсидии Иордании не были адресными; потребители, использовавшие больше топлива, выигрывали больше, что подрывало саму суть субсидий — защиту бедных и уязвимых слоев населения.

Ф&Р: Как восстания в арабских странах в 2011 году и прекращение газоснабжения из Египта повлияли на решение правительства провести эти реформы?

ИС: В 2011 году у Иордании был долгосрочный контракт с Египтом о производстве электроэнергии, благодаря которому мы получали газ по определенной цене, защищенной от колебаний международных цен. В 2011 году в Египте происходили беспорядки, и некоторые из них вызывали сбои в поставках газа в Иорданию. Чтобы не прерывать производство электроэнергии, нам пришлось использовать другой энергоноситель, мазут, который является самым дорогим для производства электроэнергии. И за 2013–2015 годы Национальная электроэнергетическая компания NEPCO накопила долг в размере почти 7 миллиардов долларов. Без проведения реформы эта тенденция бы продолжилась. Но через два года показатели полностью изменились. В 2015 году NEPCO вышла на уровень возмещения операционных затрат и перестала нести убытки.

Ф&Р: С какими основными проблемами столкнулось правительство при проведении реформы энергетических субсидий?

ИС: Иорданцы привыкли к субсидированным товарам. Было сложно внедрить новую культуру в отношении того, что теперь внутренние цены отражают то, что происходит на международном уровне. Когда вы инициируете реформы такого рода, есть два вида сопротивления: во-первых, идущее изнутри правительства, потому что чиновники полагают, что за введение непопулярных мер они могут заплатить огромную политическую цену; и, во-вторых, сопротивление общества, происходящее снаружи. Если вы не будете правильно разъяснять последствия отказа от проведения таких реформ и если у вас нет критической массы сторонников реформ в обществе, то задача становится чрезвычайно трудной. Мы продолжали работать на всех уровнях и не переставали повторять основной тезис.

Ф&Р: Как был организован порядок компенсации малоимущим?

ИС: Мы гарантировали, что в случае доказательства уровня доходов люди, заработок которых не выше определенного уровня (1130 долларов в месяц), будут получать денежные трансферты, когда цена на нефть превышает 100 долларов за баррель. Когда мы представили программу, мы знали, что некоторые люди, претендующие на получение компенсации, на самом деле не имеют на нее права, но сначала мы относились к этому снисходительно. На следующий год мы начали применять более строгие меры и проводили более тщательную проверку, поскольку некоторые получатели компенсации, например, даже проживали за пределами Иордании! Вначале мы это терпели, потому что хотели, чтобы нам поверили, что мы готовы выплачивать компенсации, но со временем мы составили более

точный набор данных. На самом деле, за последние три года мы не платили компенсаций, потому что цена была намного ниже порога в 100 долларов за баррель.

В последнее время правительство составляет базу данных вместе с Национальным фондом помощи, чтобы оказывать малоимущим гражданам помощь путем прямой поддержки вместо субсидирования товаров, которые они потребляют.

Ф&Р: Удалось ли правительству достичь целей реформы?

ИС: Да. NEPCO была убыточным предприятием, а сегодня зарабатывает по меньшей мере 1,4 миллиардов долларов в год. И нам удалось это сделать без какого-либо серьезного общественного недовольства.

Более того, благодаря новым технологиям и развитию энергетики из возобновляемых источника Иордания теперь стала региональным лидером в области диверсификации источников производства электроэнергии. Мы стремимся к тому, чтобы вырабатывать 20 процентов нашей энергии за счет возобновляемых источников, например, с помощью комплексов солнечных и ветряных электростанций, и эта цель вполне достижима. Нам все еще необходимо провести дальнейшие реформы для повышения эффективности, совершенствования энергетического аудита и рационализации потребления. Но Иордании удалось превратить энергетическую проблему страны во что-то положительное. На энергопотребление по-прежнему приходится значительная часть нашего ВВП, но сегодня эта цифра ниже показателя пятилетней давности.

Всего несколько лет назад мы импортировали почти всю необходимую стране энергию, а теперь мы поставили перед собой цель производить приблизительно 20 процентов электроэнергии внутри страны. И в настоящее время энергоэффективность и энергоемкость Иордании находятся на более благоприятной траектории, чем раньше.

Ф&Р: Каким был самый важный урок вашего опыта работы на должности министра энергетики?

ИС: Я понял важность достижения консенсуса в своей собственной организации относительно необходимости реформ. Чтобы их провести, нужно иметь вокруг себя правильную команду, потому что вы имеете дело не только с министерством. Это целая отрасль, причем огромная, с большим числом различных заинтересованных сторон. Это и полугосударственные структуры, и министерство, и комиссия по регулированию, и частные инвесторы, как внутренние, так и иностранные. Есть и новые игроки, и старые. Если вы не учтете интересы всех сторон, то достичь своих целей будет сложно. **ФР**

Интервью было сокращено и отредактировано для большей ясности.

Поздно раскрывшийся Талант

Крис Веллиш представляет Дэвида Отора, экономиста МТИ, который проводит новаторские исследования по влиянию импорта на рынок труда в США

Загляните в кабинет Дэвида Отора в обеденное время — и вы застанете профессора экономики Массачусетского технологического института (МТИ) перекусывающим бутербродом с арахисовым маслом и джемом, который он каждый день приносит из дома. Помимо того что Отор любит арахисовое масло с джемом, это к тому же позволяет ему не тратить время на посещение столовой на нижнем этаже.

«Я бы ни за что не стал терять на это час, — говорит 53-летний Отор в недавнем интервью, сидя в своем кабинете с видом на реку Чарльз. — Если я не работаю, то занимаюсь каким-нибудь другим полезным делом». Это может быть катание с сыном на парусной лодке, игра в хоккей в качестве капитана факультетской команды или разборка и последующая сборка электрических устройств.

Вопросы дефицита составляют саму суть экономики, и время кажется особенно дефицитным ресурсом для Отора, который поздно пришел в свою профессию и считает, что ему еще предстоит многое наверстать, несмотря на известность, достигнутую благодаря его новаторским исследованиям влияния торговли и технологий на рынок труда США. Обширные исследования Отора по рынкам труда — 29 журнальных статей по различным вопросам, от пособий по инвалидности до минимальной заработной платы, — проникнуты чувством уважения к достоинству труда, симпатии к обездоленным и обеспокоенности по поводу ущерба, который безработица наносит семьям и местным сообществам.

«Безделье — это ужасно, — говорит Отор. — Работа организует жизнь людей, наполняет ее смыслом. Она позволяет им самореализоваться. Она формирует круг общения». Он не согласен с экономистами, которые представляют работу как цену, которую мы платим за возможность потреблять блага. «Это совсем не отражает то, чем занимается большинство из нас. Мы готовы сами платить, чтобы сохранить свою работу».

Для ученого он имеет необычно широкий опыт реальной жизни: он был консультантом по компьютерному программному обеспечению, учителем в школе для детей из малоимущих семей, административным помощником в больнице. Все это дало ему практическое понимание его предмета и определило его склонность использовать объективные факты, проверяя, а иногда и оспаривая, традиционную экономическую теорию.

Возьмем пример исследований Отора по влиянию импорта из Китая на работников промышленных предприятий в США. Во время его учебы в аспирантуре школы им. Джона Ф. Кеннеди Гарвардского

университета в конце 1990-х годов экономисты обсуждали причины сокращения рабочих мест в обрабатывающей промышленности США, считая, что это долгосрочная тенденция, главным виновником которой была автоматизация. Потерявшие работу из-за конкуренции с импортом легко могли найти другие рабочие места на большом и гибком рынке труда в США.

«Как раз когда эта дискуссия близилась к завершению, ситуация начала меняться, — говорит Отор. — Большое влияние на нее оказывал подъем экономики Китая, а люди этого не замечали».

Вступление Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году ускорило его превращение в мощную мировую экономическую державу, которая могла использовать обильные ресурсы дешевой рабочей силы для массового выпуска недорогой мебели, текстиля и электроприборов. В период с 1991 по 2012 год доля Китая в мировом производстве возросла с 4 до 24 процентов.

Как доказывали Отор и соавторы его исследования (Дэвид Дорн из Цюрихского университета и Гордон Хэнсон из Калифорнийского университета в Сан-Диего), это нанесло глубокий и долговременный ущерб положению американских рабочих. В статье, написанной в 2013 году, они подсчитали, что импорт из Китая напрямую привел к потере 1,53 млн рабочих мест в промышленности с 1990 по 2007 год — примерно пятой части общего сокращения занятости в этом секторе по всей стране. Эти потери рабочих мест были сосредоточены в районах страны, непосредственно подверженных влиянию конкуренции с китайскими производителями; в других местах рабочие места в сфере производства сократились гораздо меньше.

Еще важнее, что они обнаружили, что «китайский шок», как они вызывающе назвали это явление, распространился не только на производство, но и на отрасли, напрямую не затронутые конкуренцией с импортом, например, поставщиков деталей. Уровни занятости, заработной платы и участия в рабочей силе на местных рынках труда снизились на целое десятилетие или более (в последующей работе они оценили косвенные потери примерно в 1 миллион рабочих мест). Эти выводы ставят под сомнение принятые взгляды на мобильность рабочей силы. Оказалось, что работникам не так легко, как полагали экономисты, переехать в другой город, где больше рабочих мест, или сменить специальность.

«Дэвид поставил под сомнение общепризнанное мнение, — вспоминает Лоуренс Кац, председатель диссертационного совета Отора в Гарварде и соавтор нескольких его работ. — Люди продолжали

Интерес экономиста Дэвида Отора к технологическому прогрессу обусловлен его жизненным опытом.

опираться на доказательства, устаревшие на 10 или 20 лет. Поскольку движение сопряжено с трудностями, мы теперь видим, что издержки торговли намного больше, чем мы думали».

Исследования Отора по Китаю были связаны с вызывавшими глубокую тревогу проблемами потери рабочих мест для среднего класса, вокруг которых бушевали страсти во время президентской кампании 2016 года в США. В статье, опубликованной в декабре 2016 года, Отор и его соавторы пришли к выводу, что шоки, связанные с торговлей, разводят избирателей по полюсам политического спектра. В другой статье они показали, как ухудшение перспектив трудоустройства и более низкая зарплата молодых мужчин в городах, подверженных воздействию торговли, уменьшает их привлекательность как потенциальных мужей, способствуя снижению коэффициентов брачности и увеличению числа детей, рожденных от матерей-одиночек.

Технологический прогресс является еще одним поводом для беспокойства в обществе и темой, увлекающей Отора, отчасти ввиду его образования в области информатики. В конце прошлого века, по мере того как персональные компьютеры получали все большее распространение дома и на рабочих местах, экономисты начали изучать вопрос о том, как приобретение навыков пользования компьютером повышает ценность людей на рынке труда.

Отор избрал иной подход. Он определил конкретные задачи, выполняемые работниками, скажем, перемещение предметов или проведение расчетов, и определил, какие

из них могут выполняться компьютерами. Он и его соавторы выяснили, что, хотя компьютеры заменяют людей при выполнении многих рутинных задач, типичных для специальностей «средней квалификации», например, бухгалтера или кассира, они усиливают ценность навыков решения задач, адаптируемости и творчества, характерных для профессиональных и управленческих функций. При этом компьютеры не могли использоваться для некоторых ручных работ, например, выполняемых дворниками или работниками заведений быстрого питания. Результатом стала растущая поляризация рынка труда, когда быстрее всего растет заработная плата работников высшей и низшей квалификации, в то время как средние уровни оказываются в худшем положении.

Этот вывод был получен в результате проведенного в 2002 году исследования в отношении работников банка, установившего новое программное обеспечение для обработки чеков, что с конца XIX века делалось сотрудниками вручную. Отор и его соавторы, Ричард Мурнейн и Фрэнк Леви из Гарвардского университета, провели в банке несчетное количество часов, беседа с сотрудниками и менеджерами и наблюдая за их работой. Они обнаружили, что, хотя программное обеспечение способно обрабатывать 97 процентов чеков, для обработки остальных 3 процентов с такими проблемами, как овердрафт или неразборчивые подписи, все еще требовалось участие человека. Это позволяло реорганизовать работу этих сотрудников, сделав упор на более квалифицированный труд.

«Люди теперь работали с более широкими наборами счетов и больше занимались решением задач, а не просто обработкой транзакций», — говорит Отор.

Значительная часть научной деятельности Отора связана с работой на местах. Проводя исследования для статьи, объясняющей, почему агентства по найму временных сотрудников предлагают им профессиональную подготовку, казалось бы, не получая от этого никакой явной выгоды, он зарегистрировался в качестве заявителя в одном агентстве, чтобы получить непосредственный опыт собеседования. Он выяснил, что фирмы предлагают бесплатную подготовку для того, чтобы оценить мотивированность сотрудников и узнать, как можно привлечь людей, заинтересованных в развитии навыков.

Его интерес к технологическому прогрессу также обусловлен его жизненным опытом: в старших классах школы он самостоятельно научился программировать один из первых персональных компьютеров Radio Shack TRS-80. Но его путь от компьютеров к экономике был далеко не прямым.

Он поступил в Колумбийский университет, но вскоре бросил учебу («Я был еще крайне незрелым», — объясняет он) и вернулся в родной Бостон, где устроился помощником по административным вопросам в больнице. Затем он стал разработчиком программного обеспечения в той

же больницы, а позже перешел в созданную его другом консультационную фирму по программному обеспечению, где, в частности, разрабатывал базы данных для банков.

Когда он продолжил учебу, на этот раз в Университете Тафтса в Медфорде, штат Массачусетс, Отор выбрал в качестве специальности психологию, намереваясь стать клиническим психологом, как его родители.

Однако ко времени выпуска в 1989 году «я пришел к выводу о том, что, по крайней мере в той части психологии, которую я изучал, меня очень интересовали поставленные вопросы, но совершенно не удовлетворяли методы или ответы, — говорит он. — У меня был вкус к информатике и технике, но при этом меня занимали социальные проблемы, а как соединить эти две области, я не знал».

В итоге он сел за руль купленного за 250 долларов автомобиля «Додж Кольт» и отправился в поездку по стране, не имея каких-либо определенных планов. Слушая радио по дороге, он узнал, что методистская церковь в Сан-Франциско открывает программу обучения компьютерным навыкам для детей из бедных районов города. Отор пришел и предложил свои услуги бесплатно и вскоре стал директором по образованию.

«Я считал, что это ближе к тому, что я искал, — говорит Отор. — С одной стороны, это техника, а с другой — решение социальных проблем, так что этот вариант меня вполне устроил».

Он познакомился со своей будущей женой, Марикой Тацутани, когда они оба искали соседа для совместного съема дома в Окленде, штат Калифорния. В то время Тацутани училась в аспирантуре Калифорнийского университета в Беркли. Сейчас она является самозанятым публицистом по энергетической и экологической тематике, редактором и консультантом. У них трое детей в возрасте от 13 до 20 лет.

Прожив три года в Калифорнии, Отор, как всегда неугомный, решил, что пришло время двигаться дальше. Он подумывал поступить на медицинский факультет, но в итоге выбрал программу общественной политики в Гарвардской школе Кеннеди, и ее обязательные курсы по экономике подсказали Отору его будущую карьеру. «Я был просто потрясен, и я думал: «Почему же мне никто раньше об этом не сказал? Это именно то, что я искал», — говорит он. — «Эта наука занимается проблемами, которые меня волнуют, но при этом использует методы, которые я уважаю, которые я ценю, которые доставляют мне удовольствие».

Мурнейн, который был одним из профессоров Отора (и позже участвовал в его исследовании по банку), был впечатлен его любознательностью и энтузиазмом. «Думаю, его психологическое образование принесло ему немалую пользу, обеспечив ему более

широкий взгляд на проблемы по сравнению с теми, кто изучал только экономику».

В 1999 году, получив докторскую степень, Отор стал искать работу, полагая при этом, что такие организации, как МТИ, будут не склонны принимать его всерьез как экономиста, потому что его специальностью была общественная политика. Поэтому, когда Оливье Бланшар, в то время председатель кафедры экономики МТИ, позвонил ему, чтобы предложить работу, Отор был настолько ошеломлен, что сперва даже не хотел отвечать на звонок.

«Я был в ужасном смятении, — вспоминает Отор. — Я чувствовал себя, с одной стороны, самым счастливым из всех людей моей профессии, а с другой — полным самозванцем. Что я вообще здесь делаю?»

«Дэвид действительно был необычным кандидатом для работы в МТИ», — говорит Бланшар, который позже стал главным экономистом в МВФ и в настоящее время является старшим научным сотрудником в Институте международной экономики Питерсона в Вашингтоне. «Но его работа оставляла впечатление целеустремленности, настоящего таланта, серьезности, которое побудило нас сделать этот выбор. И как мы оказались правы!»

Тем не менее, первые год-два Отору пришлось нелегко, поскольку, по его мнению, он не обладал достаточной подготовкой по экономической теории. Он вспоминает, как ему поручили преподавать курс бакалавриата в области макроэкономической теории, и что он сомневался в своей квалификации.

«Сначала я подумал: «Да, я в этом слабовато подкован, не мне это преподавать». Но затем решил: «Зато это хороший способ самому изучить эту тему»».

В эти дни Отор все так же занят, но уровень стресса ниже. Он был назначен содиректором Программы исследований проблем труда в Национальном бюро экономических исследований вместе с Александром Масом из Принстонского университета. Он преподает курс бакалавриата по прикладной микроэкономической теории и общественной политике. Он продолжает свое исследование воздействия экономических потрясений на политические убеждения и структуру американской семьи. Он также приступил к амбициозному многолетнему исследованию влияния финансовой поддержки студентов на посещение и завершение учебы в колледже.

В итоге на сон у него остается (в лучшем случае) по шесть часов в сутки. Но он ни на что не жалуется.

Он говорит, что люди очень щедро делились с ним советами и предоставляли ему возможности пополнить знания, которые определили его карьеру. Он хочет быть так же щедр с другими. «Мне в жизни необычайно повезло». **ФР**

КРИС ВЕЛЛИШ является сотрудником редакции журнала «*Финансы и развитие*».

«ДОРЕСУРСНОЕ» ПРОКЛЯТИЕ

Открытие нефти может сначала вызвать ликование, но потом создать угрозу для экономики

Джеймс Каст и Дэвид Михаи

Крупные месторождения нефти и газа открываются каждый год по всему миру. Государственные должностные лица и граждане в равной степени ликуют, предвосхищая процветание, которое возвещают эти открытия. Но их энтузиазм часто оказывается неоправданным. В некоторых странах наблюдались вызвавшие разочарование темпы роста после открытия крупных нефтяных месторождений, вскоре после чего последовали экономические проблемы.

В мире давно признано, что в странах с избытком доходов от нефти и других природных ресурсов часто наблюдаются менее высокие темпы экономического роста и больше социальных проблем, чем в менее богатых странах, это явление называется «проклятием ресурсов».

Но оказывается, что во многих случаях, особенно в странах со слабыми политическими институтами, экономический рост начинает снижаться задолго до добычи первой капли нефти, это событие мы называем «доресурсным проклятием».

Возвращение на Землю

В 2009 года Гана была на взлете. Барак Обама выбрал ее как первую страну Африки для посещения в качестве президента Соединенных Штатов. Страна, осуществившая мирную передачу власти в 2007 году, в то время шла наперекор мировому экономическому спаду, темпы динамичного экономического роста в Гане составляли в среднем 7 процентов в период с 2003 по 2013 годы.

В дополнение ко всему, дважды было обнаружено золото — точнее, черное золото. В 2007 году было открыто крупное морское месторождение нефти, и еще одно в 2010 году. Все питали большие надежды на то, что эти открытия помогут продвинуть Гану к экономическому процветанию как страны со средними доходами. Джон Куфуор, в то время президент Ганы, заявил в 2007 году: «Даже без нефти у нас все хорошо... А с помощью нефти мы взлетим».

Перенесемся в настоящее: Гана не взлетает. Темпы роста упали уровня ниже 4 процентов в период между 2014 и 2016 годами, несмотря на прогнозы МВФ, которые были на уровне выше 7 процентов. Открытие нефти и финансовая манна, которую она сулила, ознаменовали начало эпохи экономической неосмотрительности: значительный объем заимствования, расточительность в расходах и уязвимость экономики в результате падения цен на нефть в 2014 году. Гане также удалось пренебречь духом собственных правил сбережения. Несмотря на сэкономленные на черный день предписанные 484 миллиона долларов нефтяных доходов, она также позаимствовала на международных рынках 4,5 млрд долларов. С 2015 года страна пользуется программой поддержки и надзора МВФ. Новое правительство пришло к власти в 2017 году, но кризис продолжается.

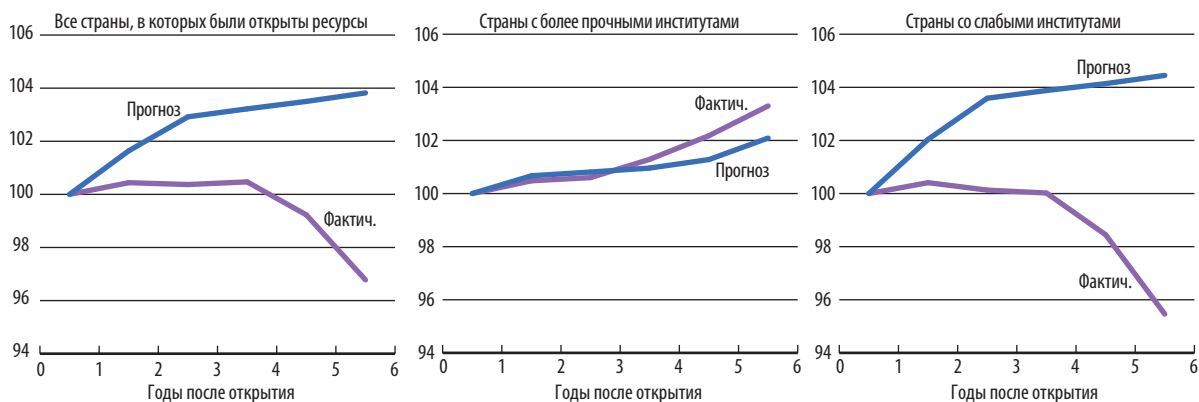
Гана не одинока. Другие страны тоже приветствовали открытия, только чтобы увидеть, как затем рост тормозится или падает. В Мозамбике в 2009 году были открыты крупнейшие морские месторождения газа в Африке к югу от Сахары. Темпы роста в среднем составляли 6 процентов. После этих открытий динамика роста прогнозировалась на уровне выше 7 процентов. Однако к 2016 году темпы роста упали в среднем до 3 процентов, по мере того как разворачивались катастрофические последствия гигантского бюджетного заимствования. Тем временем, поддержка МВФ была приостановлена до получения результатов аудиторской проверки внебюджетного заимствования.

Наши исследования свидетельствуют о том, что Гана и Мозамбик не являются исключением. В среднем во всем мире после крупных открытий темпы роста не достигали прогнозных. В случае некоторых стран такие открытия вызвали значительное разочарование по поводу роста, даже по сравнению с трендами, предшествовавшими открытию.

«Надлежащее» управление имеет значение

Страны с более слабыми политическими институтами, например, немногочисленными ограничениями на полномочия исполнительной власти, не только отстают от прогнозов роста, подготовленных МВФ, но имеют средние темпы роста ниже, чем до открытия гигантских месторождений нефти и газа.

(Данные нарастающим итогом, 0 год — год после открытия, индексирован по ВВП = 100)

Источник: Cust, James, and David Mihalji. 2017. "Evidence for a Presource Curse? Oil Discoveries, Elevated Expectations and Growth Disappointments."

Примечание. Синяя линия показывает влияние открытия гигантских месторождений нефти и газа на прогнозы МВФ. Фиолетовой линией обозначен фактический рост. Качество институтов основано на базе данных Polity IV.

Начиная с 1988 года было сделано 236 открытий гигантских месторождений (более 500 млн баррелей) в 46 странах (см. карту). Это значительные открытия — потенциальная стоимость каждого в среднем составляет 1,4 процента ВВП страны.

В теории открытие должно привести к увеличению объема производства и, следовательно, ускорению экономического роста, поскольку экономика адаптируется к своему новому богатству и более высокому уровню потребления, который может быть устойчивым. Прогнозы МВФ соответствуют этому положению, они указывают на то, что после открытий темпы роста повышаются в первые пять лет на 0,52 процентного пункта в год. Чтобы определить, реализует ли страна позитивный потенциал открытия крупного месторождения нефти или газа, мы сравниваем два показателя:

- выше ли средние темпы роста после открытия, чем до него;
- соответствует ли рост прогнозам МВФ после открытия месторождения (опубликованным в «Перспективах развития мировой экономики» МВФ), другими словами, достигают ли страны темпов роста, предсказанных теорией?

Картина по обоим аспектам не очень позитивная. Темпы роста в среднем систематически отстают от прогнозов МВФ и, в некоторых странах, падают.

Но график также раздваивается (см. рисунок). Мы видим самые значительные последствия в странах с более слабыми политическими институтами, такими как неэффективные ограничения на полномочия исполнительной власти. Эти страны не только отстают от прогнозов роста МВФ, но их средние темпы роста ниже, чем до открытия. С другой стороны, в странах, имевших сильные политические институты во время открытия, дела идут хорошо, темпы роста остаются на прежнем уровне и соответствуют прогнозам МВФ.

В странах, которые отстают от своих потенциальных темпов роста, наблюдается то, что мы называем «доресурсным проклятием».

Как и в случае с родственным ему понятием, «ресурсным проклятием», мы обнаруживаем, что изобилие природных ресурсов может негативно сказываться на некоторых странах при определенных обстоятельствах — и проблемы могут возникать гораздо раньше, чем принято считать. В случае с «доресурсным проклятием» к плохим последствиям приводит, скорее, обещание, чем реальность изобилия ресурсов.

Гипотеза «проклятия ресурсов» сосредотачивается на долгосрочных негативных последствиях для экономики от производства и налогообложения природных ресурсов. Например, так называемая голландская болезнь характеризует бум в секторе ресурсов, который вытесняет сектор обрабатывающей промышленности и замедляет рост производительности. Волатильность экспортных и налоговых поступлений от природных ресурсов может ухудшить ситуацию с государственными финансами. Проблемы также могут быть политическими. Доходы от ресурсов могут привести к коррупции или началу и продолжению вооруженных конфликтов. Некоторые утверждают, что нефтяное богатство может ослабить демократические институты.

«Доресурсное проклятие», в отличие от этого, сосредоточено на происходящем в короткий период между открытием и началом добычи. В течение этого периода могут возникнуть экономические проблемы, если экономическое поведение исходит из чрезмерно оптимистичной оценки благосостояния на основе будущего ресурсного богатства. Более того, иногда страны сталкиваются с трудностями,

Открытие крупных месторождений

С 1988 года в мире открыто 236 месторождений нефти и газа, резервы которых превышают 500 миллионов баррелей.

Источник: Cust, James, and David Mihalyi. 2017. "Evidence for a Presource Curse? Oil Discoveries, Elevated Expectations and Growth Disappointments."

предпринимая шаги, необходимые для монетизации открытий, и оказываются не в состоянии перейти к добыче.

Реальность прогноза

Прогнозировать темпы роста нелегко. В «Перспективах развития мировой экономики» МВФ каждые шесть месяцев публикуются прогнозы темпов роста стран, а авторы других прогнозов составляют аналогичные оценки, правда часто с меньшим охватом стран. Исследования показали, что прогнозы МВФ точны, хотя и не всегда безошибочны. Например, в документе, опубликованном в 2013 году, бывший главный экономист МВФ Оливье Бланшар и его коллега Даниэль Ли показали, что прогнозы для стран ЕС были неоправданно пессимистичными в отношении мультипликаторов роста после глобального финансового кризиса. С другой стороны, мы обнаружили, что эксперты бывают чрезмерно оптимистичными в своих прогнозах роста для определенных типов стран после открытия природных ресурсов.

Чрезмерный оптимизм или пессимизм в прогнозах имеет значение. Во-первых, правительства и частный сектор полагаются на прогнозы в планировании и принятии

решений. Во-вторых, на средства массовой информации и избирателей также можно влиять. Их повышенные ожидания могут оказать давление на правительства, подталкивая их к неосторожному поведению: чрезмерным расходам и заимствованию. В-третьих, прогнозы могут повлиять на оценки кредиторов и рейтинговых агентств и, следовательно, на стоимость заимствования. Если стоимость заимствования искусственно занижена, она может привести к чрезмерному его объему. По нашим расчетам, рейтинг заимствования страны институциональными инвесторами зависит от прогнозов роста: рейтинги улучшаются, когда прогнозы растут, даже с учетом темпов экономического роста страны за прошлые периоды.

Для перехода от открытия ресурсов к устойчивому процветанию необходим ряд шагов. Страны должны обеспечить инвестиции для доведения проекта до добычи, а политика правительства должна надлежащим образом реагировать, подготавливая экономику в целом к притоку инвестиций и иностранной валюты. Могут возникнуть и другие проблемы до начала добычи, например, государственные доходы от авансовых платежей, таких как подписные бонусы.

СТРАНАМ, НЕДАВНО ВОШЕДШИМ В КАТЕГОРИЮ БОГАТЫХ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ, ВОЗМОЖНО, ПРИДЕТСЯ БОЛЕЕ ОСТОРОЖНО ПОДХОДИТЬ К ИХ ОТКРЫТИЮ.

Некоторые страны, такие как Танзания и Мозамбик, так и не наладили добычу. В других странах, таких как Казахстан, где для начала добычи на Кашаганском нефтяном месторождении потребовалось 13 лет, этот процесс занял гораздо больше времени, чем ожидалось. Такие задержки или сбои широко распространены. Консультационная компания Ernst & Young сообщила в 2016 году, что на 73 процентах нефтегазовых проектов по всему миру наблюдается отставание от графика. По словам Темини Хан и ее соавторов по рабочему документу Всемирного банка за 2016 год, переход от открытия к добыче, по крайней мере в горнодобывающем секторе, происходит медленнее в странах с более слабыми институтами и более высокой степенью коррупции.

Если «доресурсное проклятие» действительно существует, оно связано с рядом последствий для экономической политики. Странам, недавно вошедшим в категорию богатых природными ресурсами, возможно придется более осторожно подходить к их открытию. Они должны уделять больше внимания подготовке к добыче, а не «делить шкуру неубитого медведя». Это означает новый подход к заимствованию и расходованию средств правительством до поступления доходов. В центре экономической политики после открытий месторождений стоит разработка сберегательных инструментов, таких как фонды суверенного благосостояния.

Мы пришли к заключению, согласно которому странам следует обращать больше внимания на действия до поступления доходов, например, на достижение общественного консенсуса по поводу сдерживания государственных бюджетов, вместо того, чтобы думать о том, какой процент будущих поступлений будет сберегаться. Кроме того, странам, возможно, придется уделять больше внимания своей позиции по налогам и расходам в разных сценариях. Что произойдет, если проекты задержатся? А если цены резко снизятся? А если правительство не сможет добиться ожидаемого увеличения поступлений от налогов в полном объеме?

Асимметричные риски

Открытие месторождений природных ресурсов создает асимметричные риски. При определенном снижении цен в странах могут быть отменены проекты и упущены ожидаемые инвестиции, налоги и рабочие места. Но если цены окажутся выше, странам достанется только часть увеличения прибыли в виде налогов.

Если ожидания основных финансовых организаций чрезмерно оптимистичны, они могут предоставить в кре-

дит слишком много денег или контролировать заемщиков менее тщательно, чем следовало бы.

«Доресурсное проклятие» может также повлечь за собой последствия для других сторон, таких как МВФ. Возможно, потребуются систематически учитывать в прогнозах условия и управление в стране. От этих факторов могут зависеть сроки получения и размер богатства в виде ресурсов и приносимые им выгоды.

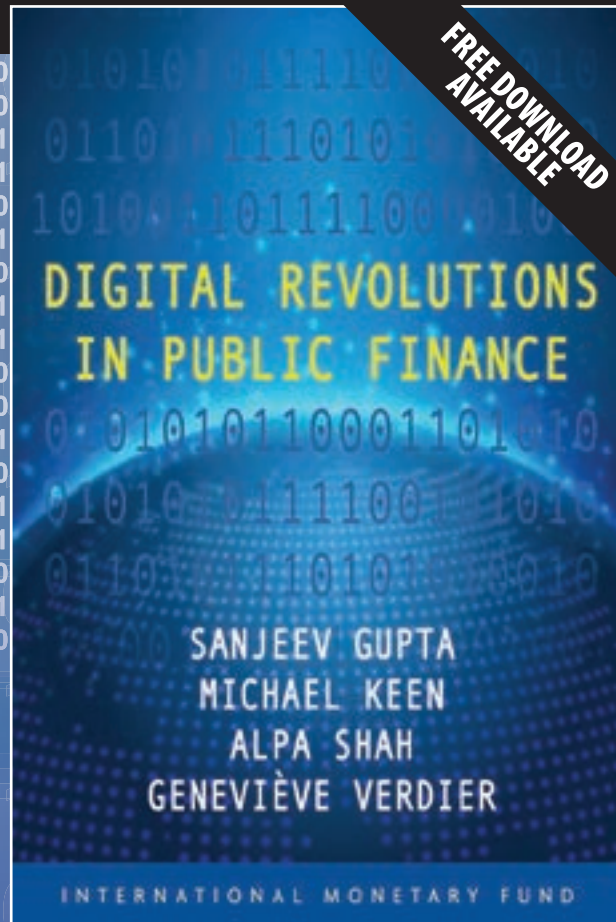
Многое зависит от управления ожиданиями граждан. Как отмечал Пол Коллиер в статье в *Journal of Development Studies* 2017 года, посвященной в основном Гане, проклятие обусловлено психологическими факторами. Открытие месторождения в размере 500 миллионов баррелей нефти может быть неверно истолковано как обещание огромного богатства для всех граждан. Но в расчете на душу населения и при распределении на типичный 20-летний период добычи на каждого жителя Ганы может приходиться всего 30 долларов государственных доходов.

«Доресурсное проклятие», как и «проклятие ресурсов» не является неизбежным. Многие страны, такие как Танзания, избежали и того, и другого. В Танзании, как и в соседнем Мозамбике, были открыты крупные шельфовые газовые месторождения. В Танзании месторождение было открыто на год позже, в 2010 году. Но темпы роста в стране после открытий повысились с 6 до 7 процентов, поскольку страна удерживала долг на низком уровне и оставалась приверженной устойчивости бюджета, приняв закон о бюджетном правиле. С другой стороны, в Танзании пока нет ожидаемых значительных инвестиций в этот сектор, а поскольку цены на сжиженный природный газ остаются на низком уровне, его добыча может не начаться на протяжении многих лет.

Видимо, имеют значение не только ресурсы, но и реакция правительств на новости об открытии этих ресурсов. Время, протекающее от открытия до добычи, также зависит от технологии, меняя характер потенциальной проблемы. Гана — не последняя страна, в которой будут открыты значительные новые нефтяные месторождения. Но она может стать последней жертвой чрезмерно оптимистической реакции на эту хорошую новость. **ФР**

ДЖЕЙМС КАСТ — экономист в офисе главного экономиста Всемирного банка по Африке и внештатный научный сотрудник Оксфордского университета, **ДАВИД МИХАИ** — экономист в Институте управления природными ресурсами и приглашенный ученый-исследователь в Центральном-Европейском университете.

Digitalization promises to reshape fiscal policy...

“A fascinating assessment of the next frontier—digital everything, applied to government finances....It is greatly encouraging that the IMF is paying attention to these developments.”

—Simon Johnson, Professor of Entrepreneurship, MIT Sloan School of Management

“ An engaging read that is relevant to all who are keen to discover and study the possibilities that digitalization and data brings to governments and people, across the world.”

—Nandan Nilekani, Founding Chairman of Unique Identification Authority of India (Aadhaar)

\$25. English. ©2017. Approx. 263pp. Paperback ISBN 978-1-48431-522-4. Stock#DRPFEA

Support for this book and the conference on which it is based
was provided by the Bill & Melinda Gates Foundation.

Free download available at bookstore.imf.org/drpfe

МИРОВЫЕ ФИНАНСЫ ВОССТАНАВЛИВАЮТСЯ

Сокращение трансграничных потоков капитала сигнализирует об укреплении глобальной финансовой системы

Сьюзен Лунд и Филипп Херли

Через десять лет после начала мирового финансового кризиса ландшафт глобальных финансов сильно изменился. Валовые трансграничные потоки капитала (прямые иностранные инвестиции, покупки облигаций и акций, а также кредитование и другие инвестиции) существенно сократились с докризисного уровня и вернулись к уровню конца 1990-х годов по отношению к мировому ВВП (см. рис. 1). При уменьшении всех видов потоков капитала на трансграничное кредитование приходится более половины общего сокращения. Это явление

отражает общий отход крупных европейских и некоторых американских банков от деловой активности за рубежом и трансграничного оптового финансирования.

Означает ли это, что финансовая глобализация дает задний ход? Наше новое исследование дает отрицательный ответ. Глобальная финансовая система остается глубоко взаимосвязанной, если измерять ее объемом иностранных инвестиционных активов и обязательств. Из обломков, по всей видимости, складывается более чувствительный к риску, рациональный и потенциально более стабильный и устойчивый вариант мировой финансовой интеграции — в конечном итоге, результат положительный.

Изменение ландшафта

До кризиса многие крупнейшие европейские, британские и американские банки смело расширялись в глобальном масштабе, преследуя все возможности для роста на между-

народной арене. Они налаживали банковские услуги для розничных и корпоративных клиентов в новых регионах, накапливали крупные портфели иностранных активов в форме секьюритизации субстандартных ипотечных кредитов и коммерческой недвижимости и все чаще полагались на краткосрочное трансграничное межбанковское финансирование.

Но теперь они стали более осторожными и сохраняют капитал. Риск вышел из моды, и модной стала консервативная банковская деятельность — даже «скучное» банковское дело, как выразился бывший управляющий Банка Англии Мервин Кинг. Крупнейшие швейцарские, британские и некоторые американские банки принимают участие в широком отступлении, но нигде разворот не произошел более драматично, чем среди банков еврозоны (см. рис. 2).

После введения евро 1 января 1999 года банки еврозоны расширили свою деятельность за границы своих стран во все уголки единой валютной зоны. При данной общей валюте и в целом общих правилах страновой риск занижается или игнорируется. Объем их иностранных требований (включая кредиты их зарубежных филиалов) возрос с 4,3 трлн долл. в 2000 до 15,9 трлн долл. в 2007 году. Большая часть этого роста приходилась на кредитование и покупку других иностранных активов в зоне евро. Но важное значение также имели растущие финансовые связи — и особенно межбанковские рынки, — связывающие банки в еврозоне, Лондоне и США.

Но большая часть внешней экспансии банков была основана на неправильной оценке рисков или ошибочных стратегиях, которые не прошли безнаказанно. Некоторые европейские банки приобрели транши американских субстандартных ипотечных ценных бумаг с рейтингом AAA, из-за которых они впоследствии понесли большие убытки. Голландские, французские и немецкие банки были прямо и косвенно вовлечены в пузырь вздутых цен на недвижимость в Испании и пострадали, когда он лопнул. Австрийские банки расширили свои операции вглубь Восточной Европы и даже Центральной Азии, но с тех пор их сократили, а итальянские банки имели значительные позиции по операциям в Турции, где норма прибыли с поправкой на риск оказалась ниже ожидавшейся. В этом присутствовал элемент стадного поведения: при виде активного расширения деятельности некоторых крупных банков за границей в поисках приносящего высокие доходы бизнеса, многие последовали их примеру.

После кризиса эта тенденция изменилась: иностранные требования банков еврозоны резко сократились на 7,3 трлн долларов или на 45 процентов (хотя они все еще значительно превышают их объем на момент введе-

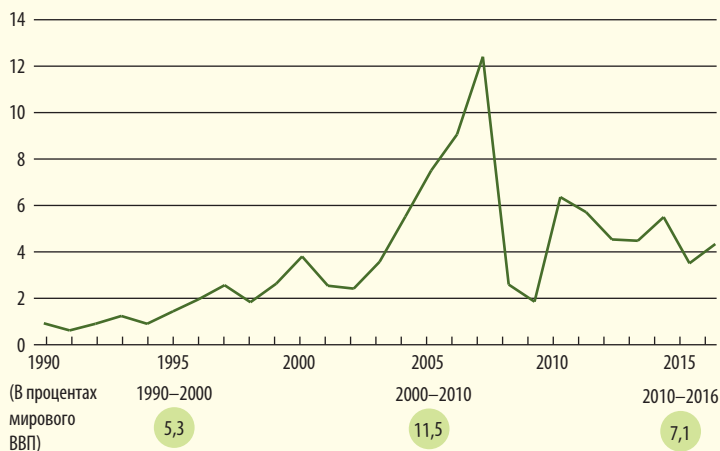
ния единой валюты). Почти половина этих требований относится к другим заемщикам в зоне евро, особенно другим банкам. Представление о том, что кредитование в любой точке общей валютной зоны было почти равносильно внутреннему, и, следовательно, связано низким риском, оказалось иллюзорным. Точно так же исчезли требования между банками еврозоны и банками в Соединенном Королевстве и США.

Это отступление является рациональной реакцией — в еврозоне и за ее пределами — на переоценку риска трансграничных сделок. Поразмыслив, многие банки поняли, что маржа и доходы от операций за границей были ниже, чем на внутренних рынках, где на их стороне стоял как масштаб операций, так и местные знания, — или, по крайней мере, что зарубежный бизнес не стоил дополнительного риска. Банки теперь находятся под постоянным давлением со стороны органов регулирования, акционеров и кредиторов, требующих от них более осмотрительного поведения. Новые международные требования к капиталу и ликвидности повышают издержки на хранение всех активов, а новые дополнительные сборы с системообразующих банков наказывают за дополнительный размах и сложность различных бизнес-линий, в том числе иностранных операций; в ответ на это банки осторожно сократили свои

Рисунок 1

Пришел ли конец финансовой глобализации?

Трансграничные потоки капитала вернулись к уровню конца 1990-х годов.
(Мировые трансграничные потоки капитала, в трлн долларов)

Источники: МВФ, «Статистика платежного баланса»; и анализ McKinsey Global Institute.
Примечание. Данные за 2016 год являются оценками.

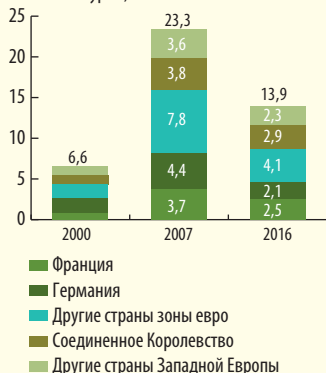
Рисунок 2

Несклонность к рискам

Крупные европейские банки во главе отступления с внешних рынков

Иностранное требование западноевропейских банков

(В трлн долларов, годовые номинальные обменные курсы)

Сокращение иностранных требований банков еврозоны

(100 процентов = 7,3 трлн долларов)

Источники: Банк международных расчетов; и анализ McKinsey Global Institute.

Рисунок 3

Все в порядке

Объем портфельных инвестиций в инструменты участия в капитале, портфельных облигаций и особенно прямых иностранных инвестиций продолжает расти после мирового финансового кризиса.

(Годовые номинальные обменные курсы, в трлн долларов)

Источники: МВФ, «Статистика платежного баланса»; и анализ McKinsey Global Institute. Примечание. Данные за 2016 год являются оценками.

зарубежные операции. Некоторые программы центральных банков, принятые после кризиса для восстановления финансовой стабильности, такие как финансирование Банком Англии схемы кредитования или целевые долгосрочные операции Европейского центрального банка по рефинансированию, дали банкам стимул к кредитованию внутренних, а не иностранных заемщиков.

Крупные мировые банки продали некоторые зарубежные дочерние предприятия, совсем покинули некоторые внешние рынки или просто допустили истечение срока действия кредитов с наступающим сроком погашения.

По информации поставщика финансовых данных и анализа Dealogic, банки вывели с баланса активы на сумму свыше 2 трлн долларов с момента кризиса. В результате баланс большинства европейских банков значительно сдвинулся в пользу внутренних активов. Три крупнейших немецких банка — Deutsche Bank, Commerzbank и KfW — накануне кризиса держали две трети своих активов на внешних рынках; сегодня эта доля сократилась до одной трети.

Голландские, французские, швейцарские и британские банки также сократили свои зарубежные операции. Операции американских банков уже давно носили менее международный характер, чем операции их европейских коллег, учитывая огромный внутренний рынок США, но некоторые все же сократили их объем. В 2007 году Citigroup занимался розничными банковскими операциями в 50 странах мира; на сегодняшний день их насчитывается 19.

В то время как европейские и американские банки отступают на внутренние рынки, банки в других регионах расширяют свои операции за рубежом, хотя еще не ясно, будет ли эта экспансия прибыльной или устойчивой. Половина активов четырех крупных канадских банков в настоящее время находится за пределами Канады, главным образом в Соединенных Штатах; японские банки также расширяют свою деятельность за рубежом. Так называемая «Большая четверка» китайских банков быстро расширяла иностранное кредитование, в основном для финансирования внешних прямых иностранных инвестиций китайских компаний.

Более стабильное будущее

Не следует оплакивать переориентацию трансграничной банковской деятельности. Пена на пике волны мировых потоков капитала в годы, приведшие к кризису, не является подходящим критерием для оценки состояния финансовой глобализации. Нет консенсуса относительно оптимального уровня потоков капитала, поступающего в развивающиеся страны или страны с развитой экономикой.

Последние события свидетельствуют не о прекращении финансовой глобализации, а о появлении ее более стабильной и устойчивой версии. Финансовые рынки во всем мире по-прежнему глубоко взаимосвязаны. Несмотря на значительное сокращение потоков нового капитала в год, объем мировых прямых иностранных инвестиций, портфельных инвестиций в инструменты участия в капитале и портфельных облигаций продолжает расти после кризиса, хотя и гораздо медленнее, чем в предшествовавшие ему годы (см. рис. 3). В мировом масштабе иностранным инвесторам принадлежат 27 процентов акций во всем мире по сравнению с 17 процентами в 2000 году. На мировых рынках облигаций в 2016 году 31 процент облигаций принадлежал иностранным инвесторам по сравнению с 18 процентами в 2000 году. Кредитование и прочие инвестиции являются единственным компонентом объема иностранных инвестиционных активов и обязательств, который уменьшился со времени кризиса.

Будущее финансовой глобализации потенциально может быть более стабильным, чем прошлое, по крайней мере в среднесрочной перспективе, по трем причинам.

Во-первых, *состав трансграничных потоков капитала претерпел существенные изменения, причем таким образом, что это должно способствовать стабильности.* После кризиса прямые иностранные инвестиции составили 54 процента трансграничных потоков капитала по сравнению с 26 процентами до 2007 года. Учитывая новые реалии банковского регулирования и контроля со стороны акционеров, маловероятно, что объем трансграничного кредитования вернется к докризисному уровню в ближайшее время. Этот сдвиг в сторону прямых иностранных инвестиций будет способствовать стабильности трансграничных финансовых потоков. Поскольку прямые иностранные инвестиции отражают долгосрочные стратегии компаний в отношении их глобального присутствия, они являются наименее волатильным видом потоков капитала. Портфельные покупки акций и облигаций также менее волатильны, чем трансграничное кредитование, и они превысили 40 процентов общего объема потоков капитала после кризиса. Трансграничное кредитование, особенно краткосрочное кредитование, является наиболее нестабильным видом потоков капитала; его сокращение следует приветствовать.

Вторым потенциальным источником укрепления стабильности в финансовой глобализации является стабильный рост денежных переводов мигрантов на их родину. Эти потоки еще более стабильны, чем прямые иностранные инвестиции, и увеличились благодаря росту глобальной миграции. Денежные переводы не учитываются как поток капитала в национальном платежном балансе, и традиционно их объем был довольно незначительным. Но в настоящее время они стали значительным источником финансирования в развивающихся странах. К 2016 году денежные переводы в эти страны составили почти 480 млрд долл. по сравнению с 82 млрд долл. в 2000 году и 275 млрд долл. в 2007 году. В настоящее время они составляют 60 процентов потоков частного капитала (прямые иностранные инвестиции, портфельные инвестиции в инструменты участия в капитале и долговые потоки и трансграничное кредитование) и в три раза превышают размер официальной помощи в целях развития. Похоже, что денежные переводы будут продолжать расти по мере дальнейшего роста миграции в мировом масштабе, а такие технологии, как блочная сеть и мобильные платежи, облегчают их отправку и снижают их стоимость.

Третьим потенциальным источником укрепления стабильности в мировых финансах является уменьшение избытка мировых сбережений, который возник до кризиса. Глобальные дисбалансы в финансовых счетах и счетах операций с капиталом сократились с 2,5 процента мирового ВВП в 2007 году до 1,7 процента в 2016 году. Это снижает риск того, что внезапное устранение этих дисбалансов может привести к нестабильности обменных курсов и кризису платежного баланса в некоторых странах. Более того,

сегодня дефициты и профициты распределяются среди большего числа стран, а значительные дисбалансы в Китае и Соединенных Штатах сократились. Сегодня экономисты обсуждают вопрос о том, сохранятся ли менее значительные глобальные дисбалансы.

Нет оснований для самоуспокоенности

Ни одно из этих событий не должно приводить к самоуспокоенности. Валовые потоки капитала остаются неустойчивыми, что может привести к значительным колебаниям обменных курсов для развивающихся стран. Тесно переплетенная глобальная финансовая система неизбежно связана с риском кризисов и цепной реакции. И «пузыри» вздутых цен на активы и крах столь же стары, как и сами рынки.

Если мы извлекли какие-либо уроки из прошлого, так это то, что стабильности трудно добиться, а потерять ее слишком легко. По мере того как перед нами начинают вырисовываться новые закономерности в глобальной финансовой интеграции после резких перемен последних 10 лет, намечается новое принципиальное нарушение привычного хода дел в виде финансирования в цифровом формате. Растущее использование новых финансовых технологий, таких, как цифровые платформы, блочная цепь и машинное обучение, вероятно, расширит доступ к трансграничным финансам и ускорит потоки капитала. Откроются огромные возможности, но возникнет и жесткая конкуренция. Никто из нас пока не знает, какие новые риски могут возникнуть в результате дальнейшего ускорения движения потоков капитала по всему земному шару, однако решающее значение будут иметь бдительность и способность распознать следующую угрозу для стабильности. **ФР**

СЮЗАН ЛУНД — партнер в McKinsey Global Institute, расположенном в Вашингтоне, округ Колумбия, а **ФИЛИП ХЕРЛИ** — старший партнер в McKinsey & Company и лидер глобальной банковской практики этой компании, находящейся в Мюнхене.

Настоящая статья основана на «The New Dynamics of Financial Globalization,» опубликованной McKinsey Global Institute в августе 2017 года.

ПОДЪЕМ ТЕМПЕРАТУРЫ

Бедные страны сильнее других страдают от изменения климата, при этом им сложнее всех с ним справиться.

ТЕМПЕРАТУРА поверхности Земли поднимается, и это явление не обойдет стороной ни одну страну. Многие страны испытают на себе прямое воздействие изменения климата, например, более частые (и разрушительные) стихийные бедствия, повышение уровня мирового океана и исчезновение биологического разнообразия. Однако страны с низкими доходами сильнее всех пострадают от этой глобальной угрозы, несмотря на то что они не имеют почти никакого отношения к возникновению этой проблемы.

Принимаемые на национальном уровне меры могут помочь нейтрализовать последствия погодных катаклизмов. Стратегии, направленные на оказание странам помощи по адаптации, такие как проекты по строительству устойчивой к климатическим изменениям инфраструктуры, внедрение соответствующих технологий и создание механизмов передачи и распределения рисков посредством финансовых рынков, могут способствовать сокращению наносимого экономике ущерба, вызванного погодными катаклизмами или изменением климата.

Однако в странах с низкими доходами сложно реализовывать такие меры политики, так как у них уже есть значительные потребности в расходах, а их возможности в плане ресурсов, необходимых для борьбы с изменением климата, являются ограниченными. Да и сами по себе принимаемые на национальном уровне меры не могут полностью защитить страны с низкими доходами от неблаго-

приятных последствий; изменение климата является глобальной проблемой, и ее можно эффективно решить только с помощью совместных действий.

Смягчение воздействия изменения климата будет означать радикальное преобразование мировой энергетической системы, в том числе путем использования фискальных инструментов для того, чтобы цены на энергоносители в большей степени отражали экологические издержки, а развитие и использование более чистых технологий поощрялось. **Адаптация** к последствиям изменения климата требует крупных инвестиций для совершенствования инфраструктуры, укрепления прибрежных районов и повышения надежности систем водоснабжения и защиты от наводнений и паводков.

Международное сообщество должно будет играть ключевую роль в предоставлении странам с низкими доходами финансовой помощи и других видов поддержки, а также координации этих усилий. Именно более богатые страны в основном виноваты в происходящем и прогнозируемом изменении климата. Помощь бедным странам в преодолении этой проблемы, таким образом, одновременно является и моральной обязанностью, и разумной глобальной экономической политикой. **ФР**

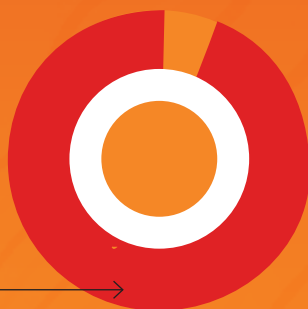
Подготовила **МАРИЯ ЙОВАНОВИЧ**. Текст и диаграммы основаны на главе 3 октябрьского выпуска «Перспектив развития мировой экономики» МВФ 2017 года.

Каковы экономические последствия?

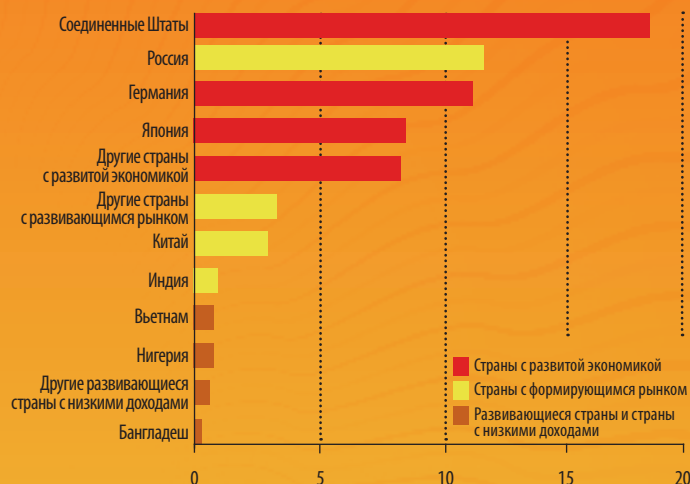

Кто вносит вклад?

Природными факторами объясняется часть потепления, произошедшего за последнее столетие, однако, по мнению Межправительственной группы экспертов по изменению климата, **большая часть повышения температуры с 1950 года связана с деятельностью человека.**

Средний уровень выбросов CO₂ на душу населения, 1970–2014 годы (в метрических тоннах)

ИЛЛЮСТРАЦИИ: ISTOCK / IRVANKIKOV@MAIL.COM, ILVALAUREN, JARVITTI@CHA, COH_DESIGN, SHOWVECTORSTUDIO

Как решать проблемы бедным странам?

Для борьбы с последствиями изменения климата странам необходимо проводить мероприятия как по **смягчению** воздействия (меры по устранению первопричин), так и по **адаптации** (меры по снижению рисков, связанных с его последствиями).

Смягчение воздействия

- Отражать экологические издержки в ценах на энергию — например, с помощью:
 - введения «углеродных» налогов
 - отмены энергетических субсидий
- Стимулирование более «чистых» технологий

Адаптация

- Улучшение водоснабжения
- Создание систем защиты от наводнений
- Укрепление прибрежных зон
- Совершенствование инфраструктуры

ВВП
9%

4

Уровень ВВП на душу населения в обычной стране с низкими доходами будет на **9% ниже в 2100 году**, если не предпринимать усилий по смягчению последствий изменения климата.

5

Повышение температуры приводит к сокращению объема производства на душу населения в жарких странах, а большинство стран с низкими доходами находится в самых жарких географических районах планеты. Неблагоприятное воздействие идет сразу по нескольким направлениям: **сокращается объем сельскохозяйственного производства, снижается производительность труда** в отраслях, более подверженных воздействию погоды, **сокращаются инвестиции и ухудшается здоровье людей.** Ответом на изменение климатических условий со стороны населения может стать **миграция.**

Сокращение объема сельхозпроизводства

Снижение производительности труда

Сокращение инвестиций

Ухудшение здоровья людей

Миграция

Дотянуться до бедных людей

Отрезвляющие данные из Африки показывают, как трудно сделать адресными меры по борьбе с бедностью

Кейтлин Браун, Мартин Равайон и Доминик ван де Валле

Часто говорят, что общая глубина бедности в мире (то есть совокупная сумма денег, на величину которой бедные люди всего мира находятся ниже черты бедности) является умеренной, если использовать черты бедности, характерные для стран с низкими доходами. Например, Энни Лоури в журнале *«Нью-Йорк Таймс»* 23 февраля 2017 года написала: «одна недавняя оценка... показывает, что глубина глобальной бедности... примерно равна сумме, которую американцы ежегодно тратят на лотерейные билеты, что практически сопоставимо с половиной всех мировых расходов на иностранную помощь».

Некоторые делают из этого вывод, что для ликвидации глобальной бедности нужна совсем скромная сумма денег, достаточная, чтобы поднять всех бедных людей выше международной черты бедности, которая отделяет бедных от небедных.

Однако ликвидация бедности намного сложнее, чем можно предположить исходя из общей глубины бедности. Особенно трудно определить, кто является бедным и в какой степени. Таким образом, оценка, приведенная в *«Нью-Йорк Таймс»*, может оказаться далекой от истины. Некоторые, кто по-настоящему беден, так и остаются в нужде, в то время как деньги попадают в руки других. Ввиду недостаточной информации об уровнях жизни сумма денег, необходимая для ликвидации бедности, может оказаться во много раз больше.

Мы попытались оценить, являются ли данные, которые обычно есть в доступе и которыми регулярно пользуются официальные органы в странах Африки к югу от Сахары (беднейшем регионе мира по большинству показателей), достаточными для надежного определения того, кто является бедным.

Поиск бедных семей

Часто отсутствие надежных данных усложняет выявление бедных домашних хозяйств. Во многих случаях трудно или даже невозможно оценить уровень жизни каждого человека в обществе. В странах с более высокими доходами помогают сведения о подоходном налоге. Но налоговые данные не подходят для многих развивающихся стран, если учесть, что многие домохозяйства заняты в неформальном секторе или в традиционном сельском хозяйстве. Правительства часто сталкиваются с ограничениями в плане ведения учета, что не позволяет проводить надежное измерение всех доходов, и в бедных странах эти ограничения могут быть очень значительными. Кроме того, данные на уровне домашних хозяйств могут не являться хорошим показателем уровня жизни отдельных членов семьи.

Чтобы попытаться преодолеть это препятствие, правительства во всем мире все чаще обращаются к какой-то форме опосредованной проверки нуждаемости для выявления бедных домохозяйств. Идея простая. Каждому домашнему хозяйству присваивается оценка, основанная на (как правило, небольшом) наборе легко наблюдаемых характеристик домохозяйства, которые показывают, является ли оно бедным. В числе таких характеристик могут быть размер домашнего хозяйства; пол главы семьи; демографический состав домохозяйства; тип жилища, в котором живет семья; из каких материалов сделано жилище; а также активы, принадлежащие домохозяйству (например, владеет ли домашнее хозяйство базовыми предметами быта, такими как радио или телефон). Каждой из характеристик присваивается вес, основанный на ее наблюдаемой

статистической взаимосвязи с потреблением домашних хозяйств, полученной из национальных репрезентативных выборочных обследований.

Среди исследователей и практиков идет много споров относительно эффективности опосредованных проверок нуждаемости (то есть насколько хорошо такие характеристики заменяют собой прямые данные о доходах или потреблении). Сторонники утверждают, что это надежный метод; критики говорят, что подход дает неудовлетворительные расчетные данные о том, кто беден, а кто нет. Были также высказаны опасения по поводу отсутствия прозрачности, а также в связи с неоднородностью групп населения, в результате чего аналогичные домохозяйства учитываются по-разному на основе некоей непрозрачной оценки, полученной по итогам опосредованной проверки нуждаемости.

Мы рассматриваем эффективность этого популярного в ряде африканских стран метода. Наши результаты указывают как на сильные, так и слабые стороны данного метода. Положительным моментом является то, что опосредованные проверки нуждаемости могут существенно уменьшить включение небедных домашних хозяйств в программу борьбы с бедностью; в большинстве исследованных нами случаев степень ошибочности включения могла бы быть как минимум вдвое меньшей. Отрицательный момент заключается в том, что это происходит за счет значительного исключения бедных. И когда целью является

сокращение бедности, директивные органы должны быть обеспокоены такими исключениями.

Главной причиной большого количества ошибок исключения является то, что стандартная опосредованная проверка нуждаемости недостаточно точна при приближении к крайним точкам спектра распределения потребления домашних хозяйств. Статистические свойства метода часто приводят к переоценке уровня жизни самых бедных домохозяйств (и его недооценке в случае самых богатых). Если сравнить фактическое потребление домашних хозяйств со значениями, рассчитанными с помощью метода проверки нуждаемости, станет ясно, какое большое значение имеет факт такого завышения оценки. В отношении 20 процентов беднейших (с точки зрения фактического потребления) домашних хозяйств опосредованная проверка нуждаемости показывает расчетные значения, которые превышают фактическое потребление на 50–100 процентов. Это означает, что почти во всех странах проверка пропускает большое число самых бедных домашних хозяйств: в среднем 80 процентов бедных домохозяйств считаются небедными согласно проверке, а 40 процентов небедных домохозяйств относят к бедным. Для двух стран нашего исследования, Эфиопии и Нигерии, на графике показана взаимосвязь между фактическим потреблением и оценкой, полученной с использованием стандартной опосредованной проверки нуждаемости. В обеих странах

Некорректные расчеты

В Нигерии и Эфиопии опосредованная проверка нуждаемости гораздо успешнее помогает исключить из программ по борьбе с бедностью домашние хозяйства, которые не являются бедными, чем выявить бедные семьи. Подобные ошибки возникают в большинстве стран с низкими доходами.

Источник: Brown, Caitlin, Martin Ravallion, and Dominique van de Walle. 2016. "A Poor Means Test? Econometric Targeting in Africa." NBER Working Paper 22919.

Примечание. Красные линии представляют собой черту бедности, которая отделяет домашние хозяйства с самыми низкими 20 процентами потребления (бедные) от тех, которые считаются небедными. Ошибка включения (верхний левый квадрант) возникает, когда небедное домохозяйство определяется как бедное, а ошибка исключения (нижний правый квадрант) возникает, когда бедное домашнее хозяйство неправильно определяется как небедное. Опосредованная проверка нуждаемости использует характеристики домашнего хозяйства вместо документально подтвержденных данных о доходах или потреблении для определения того, считается ли домашнее хозяйство бедным. Данные о потреблении преобразованы по логарифмической базе для улучшения репрезентативности.

наблюдается сильная положительная взаимосвязь между оценками согласно опосредованной проверке и фактическим потреблением; большинство из тех, кто считается бедным в соответствии с оценкой, классифицируется правильно. Однако есть существенные ошибки исключения, особенно в отношении Эфиопии, где 95 процентов бедных определены как небедные (по сравнению с 55 процентами для Нигерии). Но для обеих этих стран, как и всех других, включенных в наше исследование, используемые обычно косвенные показатели явно не совсем хорошо позволяют определить бедные домашние хозяйства.

В отношении фиксированного бюджета мы обнаруживаем, что применение стандартной формы опосредованной проверки нуждаемости сокращает уровень бедности лишь ненамного больше, чем всеобщий базовый доход, в случае применения которого каждый получает одинаковый трансферт, независимо от того, является ли богатым, бедным или имеет средний доход. Вполне можно добиться таких же результатов, как и с помощью опосредованной проверки нуждаемости, если применить всеобщий базовый трансферт на основе всего нескольких характеристик на уровне домашнего хозяйства, таких как пол главы семьи или наличие в семье маленьких детей. Действительно, если принять во внимание зачастую длительные задержки при проведении опосредованных проверок нуждаемости и меняющиеся обстоятельства домашних хозяйств, то такие упрощенные методы адресного отбора в среднем дают лучшие результаты в плане снижения уровня бедности. Если учесть затраты на разработку и проведение опосредованной

проверки нуждаемости, то использование таких более простых методов адресного отбора может оказаться предпочтительным с точки зрения сокращения бедности в рамках определенного бюджета.

Выявление бедных людей

Даже если бедные домохозяйства могут быть правильно адресно отобраны, все равно не ясно, обеспечит ли это то, что помощь достигнет бедных людей. Бедность — это личная обездоленность отдельных лиц, но она практически неизменно измеряется с использованием данных на уровне домашних хозяйств. Как правило, каждый член бедного домохозяйства считается бедным, а все члены небедной семьи — небедными.

Однако широко используемые показатели на уровне домашних хозяйств, используемые для оценки, могут не подходить для выявления отдельных лиц, находящихся в неблагоприятном положении, доля которых в совокупном потреблении домохозяйства может быть относительно небольшой, или они сталкиваются с препятствиями в плане возможностей доступа к несвязанным с домашними хозяйствами услугам, в том числе здравоохранению, образованию и финансовым услугам. Отсутствие данных о бедности на уровне отдельных лиц представляет собой серьезное препятствие для исследования того, достигает ли помощь в рамках адресных программ по борьбе с бедностью на уровне домохозяйств бедных людей. Данные об индивидуальном потреблении собирать непросто, также трудно определить то, как доход, получаемый отдельными членами семьи, распределяется между всеми ее членами.

Например, в семье, где работает один человек, доход может распределяться поровну между всеми членами семьи или один из них может получать непропорциональную долю. Отдельные члены домашнего хозяйства, например, пожилые люди или сироты, могут подвергаться дискриминации. Таким образом, мы можем увидеть небедных людей, проживающих в бедных домохозяйствах, и бедных людей в небедных семьях.

Один из аспектов индивидуального благосостояния, который указывает на бедность и который можно наблюдать во многих обследованиях, — это полноценность питания. Мы провели всестороннее исследование взаимосвязи между благосостоянием домашнего хозяйства (измеряемое либо по индексу находящимся в его владении активов, либо по подушевому потреблению домашних хозяйств), и статусом полноценности питания индивидумов в отношении 30 стран Африки к югу от Сахары с использованием данных демографических обследований и обследований состояния здоровья населения.

Мы видим в целом надежную взаимосвязь между благосостоянием домашних хозяйств и показателями неполноценности питания женщин и детей, то есть недостаточность питания имеет тенденцию снижаться по мере роста благосостояния домохозяйства. Тем не менее, примерно три четверти женщин с недостаточным весом и недоедающих детей не являются членами 20 процентов беднейших семей. И приблизительно половина не входит в состав 40 процентов беднейших домашних хозяйств. Более того, неполноценность питания, как правило, больше распространена в странах, где большая часть недоедающих является членами небедных семей.

Есть несколько возможных объяснений таких результатов. Демографический дисбаланс между бедными и небедными домашними хозяйствами, как то, например, что в бедных семьях больше детей, чем в небедных, не является основным фактором. И хотя ошибки измерения явно присутствуют, наши тесты не указывают на то, что это является основной причиной для наших выводов.

Неравенство внутри домашних хозяйств помогает объяснить, почему такая большая часть не получающих полноценного питания женщин и детей проживает в небедных семьях. Мы находим, что значительная доля недоедающих женщин и детей живет в домашних хозяйствах, где являющийся главой семьи мужчина не имеет проблемы недостаточного веса, хотя иногда и бывает так, что глава-мужчина имеет недостаточный вес, а другие члены семьи — нет.

Однако неравенство внутри домашнего хозяйства является лишь частью объяснения. Это становится очевидным, когда мы заново проводим наши расчеты с допущением, что внутри семьи нет неравенства (каждому члену семьи присваивается средний по домашнему хозяйству показатель питания). Но даже тогда мы обнаруживаем, что значительная доля не получающих полноценного питания

женщин и детей не являются членами бедных домашних хозяйств, согласно данным обследований. Похоже, что и бедные, и небедные семьи, проживающие в бедных регионах, часто находятся в одинаковых санитарно-гигиенических условиях и, следовательно, подвергаются одинаковым рискам для здоровья. Мы обнаружим доказательства, соответствующие этому объяснению, если используем данные об уровнях заболеваемости детей по всему спектру благосостояния домашних хозяйств.

Простого решения нет

Информация, конечно, не является единственным фактором, определяющим политику борьбы с бедностью; ограниченность государственного бюджета (также в результате невозможности увеличить доходы правительства), стимулирующие эффекты (например, когда небедные люди меняют свое поведение для получения пособий, предназначенных для бедных) и политические аспекты экономики (когда некоторые небедные люди не поддерживают усилия по оказанию помощи бедным людям) также необходимо принимать во внимание. Лица, принимающие решения в области политики, должны иметь реалистичные ожидания относительно того, каких результатов можно достичь, принимая во внимание надежность имеющихся данных.

Наши результаты показывают, что стандартные источники данных о бедности не очень эффективны для выявления бедных домашних хозяйств или отдельных бедных людей. Для того чтобы охватить не получающих полноценного питания женщин и детей, меры политики должны либо основываться на более персонализированной информации, либо иметь более широкий охват по сравнению с адресными мерами, направленными исключительно на бедные домашние хозяйства.

Существует некоторый потенциал для использования более надежных данных и более совершенных методов. Однако идея о том, что мы можем легко ликвидировать бедность узкими адресными трансфертами, является чересчур оптимистичной. Это совершенно точно, даже если не думать о (потенциально серьезных) неблагоприятных стимулах, которые могут возникать в результате такой политики. **ФР**

КЕЙТЛИН БРАУН — соискатель ученой степени доктора наук в Джорджтаунском университете, **МАРТИН РАВАЙОН** — профессор кафедры экономики им. Эдмонда Д. Виллани Джорджтаунского университета, **ДОМИНИК ВАН ДЕ ВАЛЛЕ** — ведущий экономист в Группе по исследованию вопросов развития Всемирного банка.

Данная статья основана на рабочем документе 2016 года "A Poor Means Test? Econometric Targeting in Africa", подготовленном для Национального бюро экономических исследований, и рабочем документе по исследованию вопросов экономической политики 2017 года "Are Poor Individuals Mainly Found in Poor Households? Evidence Using Nutrition Data for Africa", подготовленном для Всемирного банка, оба которых были составлены авторами настоящей статьи.

eLibrary МВФ

Кратко ознакомиться с отдельными публикациями МВФ по вопросам мировой экономики, неравенства и роста, экономики Азии и энергетики и природных ресурсов можно на странице elibrary.imf.org/fd127a

Бесплатные выдержки

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

Вам нравится это читать?

Поставьте лайк в Фейсбуке!

www.facebook.com/financeanddevelopment

Statement of Ownership, Management, and Circulation required by 39 USC 3685

1. Title: *Finance & Development*. 2. Publication No. 123–250. 3. Date of filing: November 6, 2017. 4. Frequency: Quarterly. 5. Number of issues published annually: four. 6. Annual subscription price: \$29. 7/8. Complete mailing address of known office of publication/publisher: *Finance & Development*, International Monetary Fund, 700 19th Street, N.W., Washington, DC 20431. 9. Full names and complete mailing address of publisher, editor, and managing editor: Jeffrey Hayden, Camilla Lund

Andersen, Maureen Burke, International Monetary Fund, Washington, DC 20431. 10. Owner: International Monetary Fund, 700 19th Street, N.W., Washington, DC 20431. 11. Known bondholders, mortgagees, and other security holders owning or holding 1 percent or more of the total amount of bonds, mortgages, or other securities: None. 12. Tax status: has not changed during preceding 12 months. 13. Publication title: *Finance & Development*. 14. Issue date for circulation data below: September 2017.

15. Extent and nature of circulation	Average no. of copies each issue in preceding 12 months	Actual no. of copies of single issue published nearest to filing date (September 2017)
A. Total number of copies	17,394	17,700
B. Paid distribution through the USPS	516	783
C. Total paid distribution	531	810
D. (4) Free or nominal rate distribution outside the mail	12,305	11,805
E. Total free or nominal rate distribution	14,402	13,770
F. Total distribution	14,933	14,580
G. Copies not distributed	2,462	3,120
H. Total	17,394	17,700
I. Percent paid and/or requested circulation	3.55	5.56

I certify that the statements made by me above are correct and complete.
Jeffrey Hayden, Publisher

Польза экономической аргументации

ПОСЛЕ мирового финансового кризиса многие наблюдатели (включая Королеву Англии, которая спрашивала, почему экономисты не предсказали этот кризис), высказывали сомнения в пользе традиционной экономической науки. Неортодоксальные экономисты даже призывали использовать альтернативные подходы. Однако французский экономист Жан Тироль объясняет пользу строгого экономического мышления для общества в глубоком, но доступном по форме анализе в своей книге *Economics for the Common Good* («Экономическая наука для общего блага»).

Сила этой книги — в ее широком охвате. В ней ясно и просто излагаются многие сложные темы, относящиеся к различным областям экономики: от изменения климата, законов о рынке труда и мирового финансового кризиса до кризиса в зоне евро и «сдельной» экономики. Многочисленные иллюстративные примеры, в основном на опыте Франции, делают книгу доходчивой, и каждая глава читается как отдельная работа.

Я особенно рекомендую главы, посвященные переходу на цифровые технологии и будущему работы, поскольку в них предлагаются решения предстоящих задач.

В главе об инновациях рассматривается ряд интересных вопросов. Как следует регулировать права собственности на данные, чтобы не создавать препятствий для выхода на рынок новых фирм? К каким последствиям могут привести искусственный интеллект и технологии машинного обучения, позволяющие создавать платформы для дробления производства на простые задачи и дифференцированного подхода к клиентам с повышением цен в периоды пикового спроса? Как тенденция «экономики суперзвезд»,

Тироль в своей книге выступает за меры политики, улучшающие благосостояние и регулирование на основе взвешенной экономической аргументации.

в которой доминирует небольшая группа гигантских компаний, сказывается на оптимальной налоговой системе в дематериализованном мире, где все легче использовать международный налоговый арбитраж? Тироль, к его чести, не ограничивается только приростом эффективности от применения новых технологий, анализируя также их воздействие на неравенство дохода и благосостояния.

Jean Tirole
Economics for the Common Good
 Princeton University Press,
 Princeton, NJ, 2017,
 576 pp., \$29.95

В центре внимания этой книги — предложение перейти от классической дискуссии сторонников государства или рынка, или левых или правых сил, к подходу на основе сочетания государства и рынка. Роль государства состоит не в том, чтобы производить товары вместо рынка, а в том, чтобы дополнять рынки, регулируя их путем установления общих правил игры. Однако вместо того чтобы просто поддерживать принцип конкуренции, Тироль в своей книге выступает за меры политики, улучшающие благосостояние и регулирование на основе взвешенной экономической аргументации.

Интереснее всего то, что Тироль приводит множество примеров, когда простая экономическая интуиция приводит к неверным заключениям. Интуиция нередко сосредоточивается на прямых эффектах и, как правило, не учитывает не менее важные косвенные последствия. Например, строгие законы об охране окружающей среды в одной стране могут снизить потребление нефти и, следовательно, загрязнение (прямой эффект) и в то же время снизить спрос на нефть и, как следствие, ее цену. Но снижение цены на нефть, в свою очередь, делает ее более привлекательным энергетическим ресурсом для остальных стран, возможно, повышая уровни загрязнения (косвенный эффект).

Таким образом, Тироль опирается на стандартные положения экономики, но не ограничивается ими, и объясняет исследовательскую работу ученого языком, понятным неспециалистам. Эта прекрасная книга, разъясняющая широкий круг вопросов экономической политики, будет полезна очень многим читателям. **ФР**

МАРКУС БРУННЕРМАЙЕР — профессор экономики Принстонского университета, стипендиат Фонда Эварда С. Сэнфорда.

Гонки за лидерство

СТАТУС ведущей валюты, которая используется в международной торговле и для выпуска облигаций и входит в официальные резервы, является более спорным и изменчивым, чем обычно считается. Об этом пишут Барри Айхенгрин, Арно Мель и Ливия Читу в своей легко читающейся и актуальной книге. В их доводах обобщаются предыдущие исследования Айхенгрин и Марка Фландро, которые демонстрируют, что доллар сравнялся с фунтом стерлингов в 1920-е годы, но снова отстал от него в 1930-е годы.

Книга начинается с истории валютных резервов в XIX веке и затем описывает учреждение Федеральной резервной системы, или ФРС, как обычно называют центральный банк США, и соперничество фунта и доллара в период между двумя мировыми войнами. Затем в ней анализируются основные роли, которые могут играть ведущие валюты: финансирование торговли и номинация облигаций в межвоенный период XX века и функция официальных иностранных резервов после Второй мировой

стран по развитию рынков. ФРС посредством крупномасштабных покупок стимулировала использование долларовых долговых расписок для финансирования экспорта и импорта США, уменьшая тем самым зависимость США от долговых расписок, номинированных в фунтах. Вместе с тем, им следовало бы указать, что Закон о Федеральной резервной системе 1913 года освободил такие долговые расписки от высоких нормативов обязательных резервов, которые фактически представляли собой налог в размере 0,5 процента. Евродоллары (долларовые депозиты в банках за пределами США, не охваченные требованиями ФРС) имели аналогичное конкурентное преимущество позднее в 1950-х годах.

Анализируя выбор валют для формирования валютных резервов, авторы должны ответить на методологический вопрос: как измерять сферу применения валюты? Где действуют сетевые стимулы? Авторы выбирают в качестве критерия масштаб внутренней экономики страны данной валюты.

Этот выбор не стыкуется с приводимой авторами историей межвоенного соперничества фунта и доллара. В 1930-е годы фунт вернул себе ведущие позиции, сместив доллар, но не потому, что экономика Соединенного Королевства обошла по размеру экономику США. Причина была в том, что такие страны, как Япония, перевели свои валютные резервы в фунты после присоединения к фунтовой зоне — группе юрисдикций, которые поддерживали курсы своих валют на более стабильном уровне к фунту, чем к доллару.

Таким образом, охват долларовой сети, возможно, определяется долларовой зоной, а не экономикой США. В эту зону входят США, такие страны, как САР Гонконг с привязкой валюты к доллару, и большинство стран с валютами, курсы которых меньше варьируются относительно доллара, чем относительно евро. Согласно *Годовому отчету* Банка международных расчетов 2015 года, долларовая зона охватывает примерно половину мировой экономики. Определение сферы использования доллара экономикой США сродни определению количества людей, говорящих на английском языке во всем мире, по численности населения США.

Происходит ли сейчас формирование зоны юаня, когда курсы валют стран Азии изменяются вместе с юанем? Может ли смена господствующей международной валюты произойти так же быстро, как в 1920-е и 1930-е годы? Книга не дает прямых ответов на эти вопросы, но вывод этого широкого исторического анализа о том, что политика может помочь бросить вызов существующей основной валюте, дает читателям хорошую пищу для размышлений. **ФР**

РОБЕРТ МАККОЛИ — старший советник, Банк международных расчетов.

Изложенные мнения принадлежат автору и могут не отражать позицию Банка международных расчетов.

Barry Eichengreen,
Arnaud Mehl, and Livia Chitu
**How Global Currencies
Work: Past, Present,
and Future**
Princeton University Press,
Princeton, NJ, 2017, 272 pp., \$39.50

войны. Далее следуют валютные летописи: ослабление позиций фунта Соединенного Королевства, подъем и упадок японской иены, евро на второй позиции и перспективы китайского юаня.

Авторы возражают теоретикам, утверждающим, что сетевые эффекты (валюта, как и язык, тем полезнее, чем больше людей ей пользуются) и инерция (в данном случае сложившаяся позиция той или иной валюты) приводят к гонке, в которой победитель получает все. Авторы отмечают, что на самом деле существенную роль играли меры

Меньше глобализации, больше роста

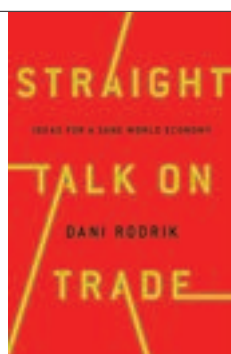
STRAIGHT TALK ON TRADE («Откровенный разговор о торговле») — новейшая в серии книг Дэни Родрика по вопросам глобализации. В его первой книге, «*Has Globalization Gone Too Far?*» («Не слишком ли далеко зашла глобализация?»), поднимались проблемы социальной сплоченности, когда в процессе развития торговли и технологий большие группы людей остаются позади. В своей книге 2011 года «*The Global Paradox*» («Глобальный парадокс») он развил этот тезис, поставив под сомнение сложившийся мировой порядок. Когда первая книга вышла в свет два десятилетия назад, она вызвала много споров, и многие экономисты отвергли ее как направленную на разжигание протекционизма.

Но время доказало правоту Родрика, по крайней мере, как политического прогнозиста. Отрицательная реакция, о которой он предупреждал, стала явью. Голосование за «брексит» и избрание Дональда Трампа послужили фоном для его яркого и наводящего на размышления сиквела, в котором он анализирует проблемы выживания демократии и глобализации в условиях подъема национализма.

Родрик подчеркивает роль идей в формировании политики и винит экономистов в переоценке возможностей при преобразовании экономических моделей в политику, особенно в отношении торговли. Теория предполагает, что неквалифицированные работники в странах с развитой экономикой теряют от политики открытой торговли. Но в публичных высказываниях о торговле экономисты всегда ставят во главу угла совокупные выгоды.

Родрик не поддерживает протекционизм и не выступает за углубление экономической интеграции. Он считает необходимым наличие пространства для маневра во внутренней политике в целях управления существующими процессами глобализации. Он утверждает, что развивающимся странам необходимо иметь возможности для проведения политики промышленного развития, а странам с развитой экономикой следует защищать работников от несправедливой торговой практики. Он говорит, что этих целей можно достичь без противопоставления мирового малоимущего населения работникам с низкой квалификацией в странах с развитой экономикой.

Кнут коррективных торговых мер более пригоден для управления глобализацией, чем пряник торговых соглашений, говорит Родрик, и страны, защищающие права работников, должны быть вправе ограничивать импорт из стран, не предоставляющих такой защиты. Альтернативная стратегия использования торговых соглашений, чтобы побуждать развивающиеся страны принимать более высокие социальные стандарты, неэффективна и наделяет корпорации слишком большим влиянием на государственную политику и развитие, утверждает Родрик.

Dani Rodrik

Straight Talk on Trade

Princeton University Press,
Princeton, NJ, 2017, 336 pp., \$29.95

Хотя Родрик прав в своих оценках противоречий в мировой системе, представляется не совсем оправданным считать экономистов виновниками негативной реакции на торговлю. Технологии, торговля и изменения спроса — все это сократило потребность в низкоквалифицированных работниках в странах с развитой экономикой, а дерегулирование ослабило позиции работников на переговорах. Происходящие выступления против глобализации, возможно, больше объясняются поиском виновных, чем реальной ролью торговли в этом процессе, и Родрик с этим соглашается. Тем не менее, продолжает он, углубление интеграции является одним из направлений политики, вызывающих возмущение работников, что не только создает риск для глобализации, но и разжигает национализм и ставит демократию под угрозу.

В то время как большинство экономистов выступают за перераспределение и инвестиции в образование для управления процессом изменений, Родрик доказывает, что время для перераспределения прошло и что отдача от образования проявится лишь спустя годы. Вместо этого требуется меньше глобализации и больше экономического роста. Он предлагает использовать «зеленую» промышленную политику и государственные инвестиции для стимулирования роста. Его самой новаторской идеей является «инновационный фонд» — государственный венчурный фонд для внедрения новых технологий, прибыль от которого будет возвращаться гражданам страны в виде дополнительного дохода. В случае успеха это улучшит распределение дохода, но при этом может ускорить темпы потери рабочих мест в результате технологического прогресса. Родрик признает, что потребуются тщательно спланированные институты, чтобы не допустить захвата контроля над промышленной политикой и государственным управлением инвестициями. Однако он не раскрывает эти тезисы.

Книга содержит глубокие идеи по политической экономике, демократии и развитию. В то же время, читатель, ожидающий увидеть анализ, посвященный торговле, возможно, будет разочарован. В книге явно отсутствует описание многочисленных выгод международной торговли, не говоря уже об отражении продолжительного периода мирового процветания, сокращения бедности и мира, которым способствовало укрепление глобальной интеграции. **ФР**

КЭРОЛАЙН ФРОЙНД — старший научный сотрудник Института международной экономики им. Питерсена.

Критический прием

Новая банкнота с Джейн Остин не встретила всеобщего радушного приема

Джон Бишоп

В НЕКОТОРЫХ ОТНОШЕНИЯХ, выбор Джейн Остин для изображения на 10-фунтовой банкноте в Соединенном Королевстве представлялся безопасным решением. Британский автор таких романов, как *«Гордость и предубеждение»*, а также *«Разум и чувства»* остается одной из излюбленных исторических персон страны, в мире существует сообщество преданных поклонников ее таланта. Хотя она умерла более двух столетий назад, в ее романах поднимаются вопросы, которые находят отклик сегодня.

«Джейн Остин была замечательной и авторитетной писательницей, люди любят читать ее книги, но она гораздо глубже», — сказала *Ф&Р* Виктория Клиленд, главный кассир Банка Англии. «Она живо интересовалась положением женщин и обществом, властью и лидерством... Она пыталась осмыслить некоторые труднейшие социальные проблемы того времени».

Новая банкнота была представлена общественности 18 июля 2017 года в кафедральном соборе Винчестера, месте, где похоронена Остин, в 200-ю годовщину ее смерти. Поместив ее изображение на банкноте, Банк Англии признал талант Остин таким же образом, как ранее он признал талант таких литературных гигантов, как Чарльз Диккенс и Уильям Шекспир.

Но не все были в восторге. Выпуск новой банкноты всегда представляет собой непростое мероприятие, но, когда речь идет о таком любимом авторе как Остин, ставки повышаются. Поэтому, вероятно, можно было предвидеть, что среди общенационального энтузиазма по поводу выхода купюры некоторые из наиболее ярых критиков относились к числу тех, кто лучше всего знаком с творчеством Остин.

Вне контекста

Исследователи творчества Остин высказали ряд опасений, начиная с портрета Остин на банкноте (слишком чопорный для писательницы, которая мастерски нарушала традиционные нормы) до изображения Годмершем-парка, дома ее брата, который был усыновлен богатыми кузенами. Некоторым казалось, что последнее обстоятельство создает неправильное представление о шаткости финансового и социального положения Остин, которое отражено в сюжетном напряжении ее романов.

Но самые сильные возражения у ученых вызвала цитата, выбранная для банкноты: «Говоря откровенно, я не знаю удовольствий, подобных чтению». Эти невинные, даже банальные слова, использованные Банком Англии, заставили ошетиниться как исследователей, так и почитателей Остин.

«Взять цитату из уст неприятного, язвительного персонажа в *«Гордости и предубеждении»* — это искажение», — заявила Джанет Тодд, титульный редактор *Кембриджского издания работ Джейн Остин*.

Эта цитата представляет собой часть диалога Кэролин Бингли, главной соперницы героини романа Элизабет Беннет. Бингли, лживая и полная снобизма, на самом деле читать не любила. Многим казалось, что эти слова, вырванные из контекста, оказывают плохую услугу Остин.

Критики набросились на цитату вскоре после обнародования банкноты. Тем не менее, некоторые признают, что Банку Англии было очень трудно подобрать цитату Остин. Если поэты и философы говорят сами за себя, то писатели говорят устами своих персонажей, такой акт «чревовещания» затрудняет поиск краткого и емкого заявления, выражающего подлинные убеждения автора. Эта задача сопряжена со многими трудностями, когда обычными средствами писателя являются остроумие, сатира и ирония.

«Банкнота построена на доверии, это обещание заплатить», — говорит Дидре Шона Линч, профессор в Гарвардском университете и редактор работы *«Janeites: Austen's Disciples and Devotees»* («Джейнииты: последователи

Мнения экспертов

Ф&Р попросил ведущих исследователей творчества Остин выбрать новую цитату для 10-фунтовой банкноты с Остин. Вот что они предложили.

«Редко, очень редко раскрывается полная правда при выяснении отношений». — **«Эмма»**

Выбрала Клаудия Джонсон, профессор Принстонского университета, автор книги *«Jane Austen: Women, Politics and the Novel»*.

«У мужчин куда более средств отстаивать свои взгляды... перо издавна в их руках». — **«Доводы рассудка»**

Выбрала Хелена Келли, автор книги *«Jane Austen, the Secret Radical»*

«Человеку надо радоваться как можно больше». — **«Нортенгерское аббатство»**

Выбрала Джанет Тодд, критик, писательница и бывший президент колледжа Луси Кавендиш Кембриджского университета

«Из всего, что мне доводилось слышать, самый верный залог счастья — большой доход». — **«Мэнсфилд-Парк»**

Выбрала Клэр Харман, автор работы *«Jane's Fame: How Jane Austen Conquered the World»*

Bank of England

и поклонники Остин»). «Но поскольку Остин такая ироничная писательница, ее сложнее, чем других писателей, воспринимать как достойную доверия».

Мы верим Джейн

Тем не менее, новая банкнота с Остин имеет ряд особенностей, которые повышают доверие к ней как средству сохранения стоимости. Клиленд охарактеризовала купюру как результат итеративного процесса продолжительностью в несколько лет между Банком Англии, изготовителями банкнот и представителями отраслей, работающих с наличными. В результате появилась банкнота, которая сочетает современную технологию с художественным мастерством.

Банкнота в 10 фунтов с Остин представляет собой вторую купюру Соединенного Королевства, которая напечатана на полимере, что делает ее более долговечной и сложной для подделки, чем ее бумажную предшественницу. Переход к полимеру позволил использовать ряд технологических инноваций, главной из которых является большое прозрачное окошко, на котором изображен портрет королевы Елизаветы II.

Клиленд выделила несколько средств защиты от подделки, представляющих собой технологиче-

ский прорыв в дизайне денег, в том числе изображение собора Винчестера, которое видно в золотом цвете на лицевой стороне и в серебряном — на обороте.

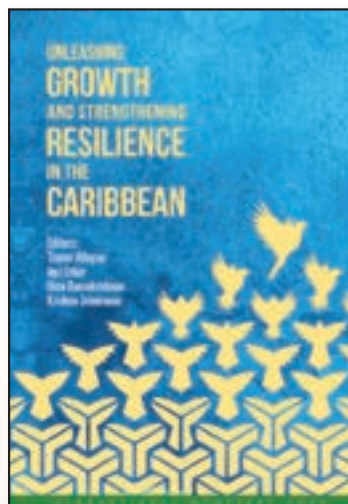
Добавление полоски фольги к купюре, которая по сути является кусочком пластмассы, само по себе представляет проблему. Но добавление фольги, которая имеет весьма различные изображения на каждой стороне непосредственно друг против друга (как это было сделано с короной на лицевой стороне и медной книгой, украшенной литерами “JA”, на обороте), означает технологическое достижение.

«Главное, что поражает людей, — это надлежащее сочетание науки и эстетики, и все это на небольшом куске пластика, который помещается в бумажник», — говорит Клиленд.

Хотя невозможно узнать, что Остин подумала бы о купюре с ее образом, но будучи писательницей, которая столь откровенно писала о деньгах, классах и статусе, она, возможно, сочла бы выбор себя для изображения на 10-фунтовой банкноте вполне уместным. Именно такую сумму ей заплатили за ее первый роман. **ФР**

ДЖОН БИШОП — сотрудник по институциональным вопросам Секретариата МВФ.

Новые публикации МВФ

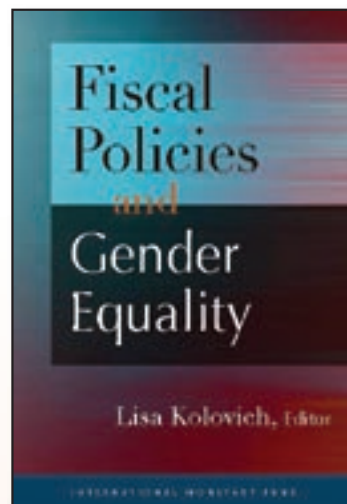
Unleashing Growth and Strengthening Resilience in the Caribbean

\$25. ©2017. Paperback
ISBN 978-1-48431-519-4. Approx. 400pp.

From Great Depression to Great Recession: The Elusive Quest for International Policy Cooperation

\$27. ©2017. Paperback
ISBN 978-1-51351-427-7. 256pp.

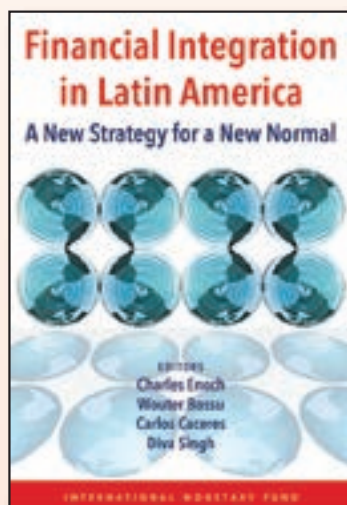
Fiscal Policies and Gender Equality

\$25. ©2018. Paperback
ISBN 978-1-51359-036-3.

Fiscal Politics

\$40. ©2017. Paperback
ISBN 978-1-47554-790-0. 548pp

Financial Integration in Latin America: A New Strategy for a New Normal

\$25. ©2017. Paperback
ISBN 978-1-51352-024-7. 177pp.

Shifting Commodity Markets in a Globalized World

\$25. ©2018. Paperback
ISBN 978-1-48431-032-8. Approx. 256pp.

bookstore.imf.org

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

Финансы и развитие, декабрь 2017 года

MF1RA2017004